

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1925
№
12

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПОЧТА „СМЕНИ“

Н. Евсееву (Поляна)—Приславные стихи не подошли. На украинском языке мы не писали, а на русском твои стихи очень слабы.

Г. Смирнову (Комсомольск)—Строчки пойдут — спасибо. Печатались бы торжественно — успешно. Хорошо еще обдумай каждую строчку и ясное передай мысль, а то тебе выходит так: Посидишь у стиральной машины.

Умерла старуха — Русь.
Прокурка ей птаха Гамаюн (?) Необраданным грусть?.

В этих четырех строчках путного и неслогового текста никакой. Что это за птаха такая Гамаюн? Каковую такую „необраданным грусть“ она прокричала?

Все это ничего не дает читателю. Все это туманно и неясно. А стихотворение должно быть четким и ясным, которую ты хотел передать, ясное.

Потом, что это у тебя за „действительность“?

Иду, гас гонят самогон,

И плюю его с мужичком людом. — Напою. Не в лику комсомольцу ходит, а мужичку надо пить с ним самогон. С самогонем нужно бороться, а ты вопсешешь его в стихах. Потом:

Ах, мина вешла Гамаюн,
Ваша мина ты радостная!

Во всех стихах у тебя очень много недозволов ноток. Их нужно изжить. Письмные размазаны об эти „вешах пташечки“. Больше читай и обращай внимание на каждую строчку и учись строить стихи так, как они построены у больших мастеров слова: Пушкина и современных поэтов. Посерьезнее отнесись к своим писаниям, к стихам и неувалишь, непонятных слов.

В червико (Армивар).—Что ты не бросаешь писать, это хорошо, но плохо то, что ты выдумываешь темы для своих стихов и плохо изображаешь их. Слишком много людей, которые окружают тебя в повседневной жизни.

Ушел бандит, оставил шапку.
Оставил парня морзья

И живши как какашки — счастье,
А здесь для счастья так близка.

Плох — вот, что ты выдумываешь такими главными темами. В споры стихотворения ты сочиняешь, как это тебе угодно, кому-то полюбишь а женщины не мож, потому что не было денег; и вот это кто-то пошел на море и стал заниматься бальнеологией для того, чтобы потом жить — и не нужно, это неправоподобно, а главное, все это никому не нужно.

Не нужно искусственно сочинять, выдумывать, а нужно внимательно присматриваться к жизни и видеть о том, что есть. А есть очень много и богатого и красивого.

К. Айтаяскому (Вятка).—Приславные стихи слабы. Ты пишешь „Нечего-то“ ты.

„Мне завидно тебя смехологаю влать, Мне завидно тебя буфнологою звать. Зарываешь, солдешогологий Советский Овандий,

Вери сери из герба—твое время жать“.

Ты не только ладной комсомолкой, но даже искусственной читатель и ты не разбирает в чем дело и о чьей ты этой строчкой скажешь.

Во первых, нечего-то видеть нельзя. Потом, что означает последняя строчка?

Почему „Смены“ должна читателем отражать нашу связь с читателем и почему „в ней должно складываться место, где, что волнует и интересует ребят, читателя и школьников“? „Смены“ — Путь ко спорным вопросам высказываются все, ково ныне волнует интеллигент. Почта „Смены“ — спирамика всех тек, кто читает и пишет в „Смены“.

„Вери сери из герба—твое время жать“.

Стихотворение построено на очень неприятных оборотах и главное — всего состоит из четырехзачатных словечек, вроде „смахологаю“, „солдешогологий“, „буфнологога“ и т. д. и т. д. Не нужно заниматься словесной изобретательностью. Нужно простым человеческим языком передавать четкую мысль. Вот еще:

„Мой давешки, как миф и роной повонирки,

Точно гродья инверград над нами повис“.

И так без конца. Все это стихотворение — словолетство. Ни одна строчка, ни одна даже фраза ничем не оправдана и не оправдана. Ты не говоришь. Ты несколько не уважишь простую человеческую речь и выдумываешь сознательно нелепые выражения, а это очень плохо.

То же самое и в других стихах: „Судальное золото нечер советат, Слонашим убранием советат? Мое закаляет в явстве и сыз(?) Отгнем борбу отгнить и жить“.

Близке к настоящей жизни и простому человеческому языку.

Посерьезнее отнесись к каждой строчке, проче и правоподобно передавай ту или иную тему и у тебя получится хорошая статья.

Куда лучше твои рассказы, но и в них niente не та же вычурность, та же неправдоподобность, то же налет словесной изобретательности.

Конечно, простейшая художественная передача той или другой темы требует большого мастерства, но не стоит забывать изобретение словечек, бессмысленной и нелепо построенной фразой.

Не нужно от этого уходить к простой повседневной жизни. На рассказы отвечено письмом.

П. Соколову (Харьков).—Ты спрашиваешь, писать тебе дальше или нет? Если бы ты писал уже несколько лет и присылал стихотворения „Пролетарий“, то можно было бы определенно сказать: брось, не передавай бумагу.

Но, раз это твои первые стихотворения, этого сказать не следует. Можно сказать, что тебе больше читать, серьезнее работать над стихом и возможно у тебя что-нибудь получится. Пока стихи твои слабы. Не поайт.

П. Арскому (Ита).—Твой рассказ „Корпусовские“ не подей. Очень слаб. В нем нет жизни, живых людей. На протяжении всего рассказа виден один автор и Петляка, и Лукерья и Ван Горяч — все по одно и говорят одно и то же.

Понюх, да внимательно всматривайся в то, что ты читаешь.

Н. Смирнову (ст. Изюски).—Стихи у тебя слабые; поэты не могут, но если будешь работать над стихом, то, конечно, они будут лучше.

Для тебя полезно будет больше читать Пушкина, Некрасова и наших комсомольских поэтов, только не читай стихи беголо, а читай со вниманием и главное обращай внимание на то, как построено стихотворение.

Ты еще оказался техникой. У тебя совершенно местами отсутствует ритм, т. е. строгость стиха.

На это обрати внимание, а печататься не торжественно, успешно. Приславь еще.

А. Крюкову (Баку).—Рассказ „Сашкина беда“—слаб, не подей: очень много в нем деланности, неправдоподобности. Никак нельзя поверить, чтобы буровой мастер, проработавший на нефтяных промыслах сред настоящих рабочих двадцать пять лет, вдруг, когда его сын записывается в комсомо, неистово орет:

„Дьяволю продался!“

В рассказе нет живых людей. На протяжении всего рассказа читатель слушает одного автора.

В художественном произведении нужно не рассказывать, а показывать живых людей, заставлять их жить и говорить, как говорят мы в повседневной жизни.

Рассказ „Коперпаты“ послан в журнал „Крестьянская Молодежь“.

Р. Альнер (Одесса).—Не нужно увлекаться Лефорской растенной сюжет. Это для тебя рано. Полезнее будет если ты свои выписки выразить гораздо проще, яснее и без лишней комбиньяции слов. А то ты пишешь так:

Сумерки в-югст, Длинная стража.

Нет больше власти.

Звонко смеются Синюю настью Небеса

Вот сияет гордо Звезда (так яла)

То над миром Литя гордо, Молодого села Комса.

Понять ничего нельзя. Плохо. Стихи должны быть просты, понятны и четки.

Храмову (ст. Темиргоевская).—Из твоих стихов подей „Имбу“, остальные не подошли. Приславь еще.

П. Чоцкому (В.-Устег).—Из присланных стихов кое-что использую; пару стихов передам в „Комсомолин“ и журнал „Крестьянская Молодежь“. Приславь еще, только ниши на одной стороне и разберишь.

М. Ворониковой (Свердловск).—У тебя помимо того что стихи плохо выписаны, они еще забывают и грамматически ошибаются.

Понюх и почитай побольше, а писать не торжись.

В. Гордочеву (Питгарок).—Твой рассказ „Слава“ не подей. Тебе нужно над ним поработать хо-

рошнеему. Сауай, который описан в рассказе, мог бы в нашей действительности, но он описан совсем небудительно. Читатель тебе не поверит, а прочитав это письмо, что ты совсем серьезно отнесся к его работе.

Нужно хорошо продумать эту тему и показать живых людей с их особенностями, а то все они говорят у тебя одним языком, ничем друг от друга не отличаются.

Приславь еще.

В. Зминову (Елпатарю).—У тебя получились хорошие строчки, например:

Вырутся правды лучи,
Как их не комкай в тумане.

„Ярко взира настрочка
В катушку Вана“.

Но рядовая строка не годится: „Рвет земля одеяло белое, Отояет томю Мускуны онемелые, Грандионные, темные“.

Здесь ты начинаешь мудрствовать. И получается како-то неразбериха, непонятно, почему. Все эти словечки вроде „томю“, онемелые“, грандионные“, онемелые“, и смысловое ноль стиха. Постарайся таких слов не тискать в свои стихи. Иная так.

„Слава“ не подей.

Стайнуев в пионерх двое,
А третий в асках, как за лавоу

у ней.

Во первых, почему ты лавовую строчку первую. — со всем не нужно было рвать и разрыв ничем не оправдан, а потом слово „стайнуев“ — плохое слово.

И последняя строчка получилась у тебя слишком тяжелой и прозаической. Ты, вероятно, сам чувствуешь, что ее читать с большим трудом.

Стихи твои требуют большой обработки. Пока пойти не могу. Приславь еще.

Н. Ладмыгину (Татаргор).—У тебя есть очень хорошие отдельные строчки, а в целом стихи слабые. Не пишешь. Ты, повидимому, очень мало работаешь над стихами. Ска, настоичи сразу и ладно. Так нельзя. Попробуй внимательно проработать каждую строчку и ты, наверное, получишь хорошие стихи. А писать ты можешь. Приславь еще.

Б. Скорбяну (Киев).—„Горю“ подей. Приславь еще.

А. Тарасову (Владу). Работай над стихом тебе следует. У тебя встречаются очень хорошие строчки и даже целые строфы:

„Отзвенит задуменные сны
И синевой поволоку алей.

Будет тишь, но тономем милей
О прощедшем вечере жалеть“.

Здесь имеется небольшая натяжка, шероховатость, не совсем четкий образ; как это можно синевой обволку алей, а в целом строфы созданы известное настроение, а это для стиха очень большое благо. И таких строчек у тебя найдется много, но над заочностью стиха тебе придется поработать порядочно. Если у нас имеются литературки или дитярупы, то обязательно ходи на собрания; ни тебе помогут очень во многом разобрались и многое поняли. „Комсомолю“ передай в „Комсомолин“. Шанс еще.

СОДЕРЖАНИЕ: „Привет IV-ой „Весовойной Конференции РЛКСМ“... — А. С. НОВИКОВ—ПРИБОЙ. „Огважкий машинист“ (рассказ). — И. ВЕРШНИН. „Контрабандисты“ (рассказ) — Ив. ДОРНИН. „Кулацкий задох“ (поэма). — „Улица и клуб“ (по материалам Поэтипросвета ЦК). — Е. Т. „Молодежь в отпуску“ — К. ТРОЩЕНКО. „Комсомольская ладя“ — С. КЛИМОВ. „Первая территория революция“ — Г. ДЕЛВИЧ. „А. Безмысленко“ — ГЛОБА-МИХАЛЕНКО. „Борьба с бездельем“ — В. ТЕПЛУХИН. „За рыбой на Качкатуку“ — В. ЯКУБОВИЧ. „Модель, планер, лаяетка“ — В. Я. „Хлопок и хлопководство“ — В. Я. „Хлопчатобумажная фабрика“ — Б. ГРОМОВ. „Стальной ковчег“ — Вод. МУРАЛВИЧ. „Границы заклятия“ — СТРАНИЦА ЮНКОРА — ПОЛЗАТЫЛЬНИК. Почта „СМЕНИ“.

Ответы на вопросы. — Объявления.

Обложка работы художника П. ПОКАРЖЕВСКОГО, иллюстрации художника А. ЛАПТЕВА и К. УРВЕТГИ, фотографии Ф. ЛУБКОВА и др.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ: А. Горлов, Л. Колосников, С. Соболев, Н. Федоров, Д. Хакин. Ответственный редактор: П. КОЛЕСНИКОВ. ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: А. ГОРЛОВ. Адрес: Москва, ул. Горького, д. 13. Телефон: 4-10379. Тираж: 35 000.

«СМЕНА»

- приложение к газетам:
1. МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЬ — орган Московского Кля РЛКСМ.
  2. ЛНА СМЕНИ — орган Уралбиро Центрального Кля РЛКСМ.
  3. МОЛОДОЙ ЛЕНИНЦЬ — орган Центрального Кля РЛКСМ.
  4. МОЛОДОЙ ШАХТЕР — орган Донецкого Губкома ЛКСМУ.

СМЕНА

ВУХДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
РОССИЙСКОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
№ 10 «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОДПИСНАЯ ТАБЛИЦА
на 1925 год.

№ 1 год — 24 ном. . . . . 5 руб. 60 коп.
« 6 — 12 . . . . . 2 « 75 «
« 3 — 6 . . . . . 1 « 56 «

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

Москва, Новая Площадь, д. 6/7. Тел. 1-83-13.
Рукописи редакции не возвращаются.

№ 12

25 ИЮНЯ

1925 г.

ПРИВЕТ IV ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РЛКСМ!

Секретарь ЦК РЛКСМ тов. ЧАПЛИН

НЕДАВНО, выбитый из седла революцией, эсер Зензинов поместил в издающихся в Берлине на чьи то темные средства (деньги, ведь, не пахнут) «Движ», брызжущую слюной и старческим негодованием, статью «Растление душ». Эта статья обвиняет в «растлении душ молодежи» «лейб-орган комсомола» — «СМЕНУ».

А «растление душ» состоит в том, что мы «взаем личных привязанностей» насаждаем «преданность ГПУ». Статья эта, написанная по поводу рассказа «Принцесса из Губовваршкюлы», являясь образцом эмигрантского злопыхательства, даже не вызывает улыбки: до того беден идейный багаж, представленный в ней.

Нет ничего удивительного, что «ГПУ» представляется жуеполом и чудовищем злобствующему эсеру. Понятно и сожаление, с которым он облакивает личные привязанности и прочие чувства, которые вытравляет у молодежи ужасный Комсомол.

Но, право, сам того не понимая, Зензинов попал в известном смысле в точку.

Если понять, что ГПУ, только строевой авантюре революции, то обвинение сводится к «преданности революции». Разве не смешно?

Когда воспитывают преданность революции, отменяя в сторону шелуху личных чувств и привязанностей, когда закон пользы революции ставится превыше всего — это в переводе на эсеровский язык именуется «растлением душ»!

Такое идейное ничтожество даже не смешно, а просто отвратительно.

Собственно говоря, против этих «личных привязанностей» в узком и широком смысле, если они отягчают шаг революции, мы и ведем войну, борясь за воспитание в комсомольцах активных, готовых на самопожертвование, борцов коммунизма.

Самовлюбленность, самодовольство — опаснейшие враги ленинской выучки, подлинного коммунистического закала.

Тут напрашивается интересное сопоставление.

Точно также, как вредна самовлюбленность отдельного солдата, вредно и самопоуение всей пролетарской армии. Изгоняя корыстность из психологии молодого рабочего, мы должны жестоко бороться и с узколюбим классовыми своекорыстием, пренебрегающим интересами союзника, подменяющим умелое руководство со стороны пролетариата всеми трудящимися забвением всего, кроме рабочего класса.

Здесь лежит ось всей нынешней политики партии и комсомола.

Сейчас происходит IV Всесоюзная конференция РЛКСМ. Ей тоже, вне всяких сомнений, придется основное внимание приковать к нашей политике в крестьянском вопросе. Нужно серьезно и отчетливо продумать каждый шаг, закрепляющий братский союз крестьян и рабочих, который может быть проделан комсомолом.

И только интересы этого союза, а не корыстная слепота, могут служить плодотворным руководством для нашей работы. Все, в конечном счете, должно быть подчинено основным задачам революции: они определяют размеры наших уступок крестьянству, они определяют размеры тех жертв, которые крестьянство, в свое время, приносило революции. Интересы революции — вот первая и последняя буква нашей азбуки!

Конференции приходится разрабатывать будничные вопросы об организационных формах работы в деревне, о воспитательной работе среди крестьянской молодежи и т. д. Но в каждом звене каждого из этих вопросов просвечивает эта основная идея, ленинская идея «смычки» на основе революционного движения вперед.

Нужно так рассчитать темп работы, так построить наши колонны, чтобы

подтянуть, крепко-на-крепко повести на буксире те миллионы крестьянской молодежи, которые сейчас уже объединяются под комсомольским знаменем.

Еще более жалкими кажутся павлики Зензиновых и К° перед всей мощью этой задачи.

Привет IV Всесоюзной конференции, которая призвана выполнить часть этой задачи!

ОТВАЖНЫЙ МАШИНИСТ

Отрывок из повести А. С. НОВИКОВА-ПРИБОЯ, иллюстрации А. Лоптева

КОЧЕГАРКА и машинное отделение, в противоположность большому судам, здесь представляли собой само помещение. Поэтому машинист Самохин и кочегар Втузкин работали вместе при себе котлаюк. Вступили они на вахту с водой вечера. Одна штурвала в топке, сидела на манометрах и водомерным стеклом, другая управляла двигателем и связывала отделение его части.

В борта били волны. Сверху доносились хрипящие взмахи и вой ветра. «Дельфин», согнавшись от удара, плавал кверху, строго гуластой и настояно шмыгал порывами.

— Начиная, брат, поддавать, — повернувшись к машинисту, сказал Втузкин.

Самохин посмотрел на светящегося человека; лицо у него клявообразное, худое, глаза беспокойные, прикоснувшись робко уткнулся в щетинистые усы.

— Это по твоему — подает?

— А по твоему? — спросил в свою очередь кочегар.

— Мне смешно даже слушать. Попадала бы ты по океанам. Вот там иногда можно попасть в переделку. И то ни при чем было, если судно подождало и капитан знает дело. А тут что? Не море, а лужа. И разве это парок? Плавучий клоповник. А капитан ваш что такое? Маринованная мышка Тонно гадает на все...

— А ты, браток, с ядом!

— Лучше быть с ядом, чем с липовым, — начал говорить матрос инкудышным.

Помочка немного, Самохин заговорил о другом:

— Плавала я когда-то на севере за полярным кругом. Правду сказать, пароходу у нас был надежный, с сильными машинными. Я тогда служил на нем за матроса. И вот однажды попали мы в штормину. Ночью было дело, в беспробудную темноту. Эх, и закурило! Казалось, весь свет с ума сошел. А холод такой был! Брызги на лезу мерзали, шелкали по судну, как пузаны. Того и гляди без таза оставишься. Судно все по льду, нельзя по палубе пройти-скользко. И сам весь в ледяной корке, замочешься. Смешившись с льдом, а в тебе судно ластым лесу. Эх, никогда мне не забыть ночевки тамовой. Продались такая буря еще немножко — стоять бы мне теперь с тобою на вахте.

— И не протыкивался? — спросил кочегар, недоброше глядя на машиниста.

— Матросу только для чарку водки — сам дявол его не возьмет.

Позднее качка усилилась.

Кочегар Втузкин подобрался в топку новую порцию угля. Судно накренилось с такой быстротой, что он, теряя равновесие, чуть не упал. Подосажь ближе к машинисту.

— Это тебе не шутка, Машутка.

— И не Машутка, — ответил Самохин.

— Не в том суть дела.

— А в чем?

— Ни в чем! А что хитрик может проследить на одною коммесе — это интересно.

— Ты говоришь глупости.

— А вучка, бывалый человек, ответь мне, в какой части головы находится глупость и в какой разум.

— Посмотрю я на тебя: не то ты только умеи, не то.

В этот момент «Дельфин» обо что-то ударился днищем и сразу остановился.

Машинист, павая, рванулся вперед с такой силой, что сбил с ног и кочегара. Перевернувшись на железной настилке, они вскочили одновременно, глядя друг на друга исположающими глазами. Обоих охватила темная жуть, смешала мысли. Звякнула машинный телеграф. Самохин опомнилась первым — он стартанул машину. Под ногами раздался грохот. Это пароход разбился о подводные камни. Содрогалась весь корпус и вся машина.

Машинист схватил за грудь и повдительно рванулся: «Стоп! Куда?»

Втузкин в ужасе кинулся бежать, но машинист во время схватки его заглядыл повелит саво рыва кизул.

— Стой! Куда?

— Наверд.

— Не было команды, чтобы уходить с вахты.

Кочегар отогнулся, огаушавшись грохотом и стрележом разбивающегося судна. Он оделесно смотрел на машиниста, выхватив глаза, товою рыба, вытягиваемая удочкой из воды. В следующую минуту, придя в себя, начал вырваться.

— Ты что, — называли ли мыло? Пути, оканчивай!

— Да, начальник. И могу твою сполату нескрывать, если только будешь вырваться.

Самохин говорил уже сложено, но в то же время властно. А сам, не обращая внимания на молбы удручающегося кочегара, посмотрел на циферблат телеграфа. Ничьего распространения не обнаружил. Наконеч, отпустил того, строго наказав:

— Унай, в чем дело, и сейчас же обратно.

— Ладно, — применив броне на бегу Втузкин, подвинулся по железному тракту.

Машинист остался один, мысленно ругая капитана. Вару грохот прекратился, «Дельфин» снова качался свободно. Межальца догадка — очевидно, большая волна, приподня, сваяла его с ямшей.

Самохин облегченно вздохнул. Почувствовалась усталость в ногах. Он сел на железную табуретку, прикрепленную к борту, и закурил трубку. Глаза осматривали остальную часть вахты не появляясь. Повидному, пробыл он там не долго. Это окончательно успокоило машиниста. Сидел он так долго, ожидая распоряжения с мостика или возвращения кочегара.

— Куда же еще этот, чертосильник, пропал?

Самохин не выдержал, бросился к переговорной трубке, дунул в нее, чтобы дать свисток на мостик. Остатного свистка не было. Разозлившись, он начал кричать трубку:

— Эй, на мостике! Кто там! На всю жизнь, что-ли, оставил судно?

С мостика молчали.

Самохин удаляясь пошла брови.

— Что за чертовщина.

Он выбежал из машинного отделения наверх. Сразу обошло холодом. В непролазной темноте явил ветер. Волны, раскочивая судно, залезли валивая через борт. На палубе никого не было. Почти бегом поднялся на мостик — ни одного человека. Сердце застучало с перебои. В душу закралось нехорошее предчувствие. Метнулся в матросской каюте — от поминкового помещения повеяло тохой. Заглянул в капитанскую каюту — тоже пусто.

— Куда вы все исперили, тупоумные головы?

Машинист, обшаривая все помещения, метался из одного места в другое до тех пор, пока не убедился, что на всем судне он остался один. Забыл азарал во все горло:

— Капитан! — а!

Ветер подхватил его голос, унес в черную тьму. Волны прощипали на палубе, ударяли в ноги, обдали брызгами льда.

Машинист ломая голову, терлся в догадках. Волны — не так сильны, чтобы могли смитть весь экипаж. Спасительные шлюпки оставались из своих местях. Что же случилось. Или все это волею судьбы? Сильно ударила себя в грудь — почувствовалась боль.

Попробовал буксирный крюк он не был надету, а свободно болтался за кормом. Значит, исчезли и обе баржи.

— Сбежал, черт.

Стало жутко даже для отчаянного машиниста. Терзалось чувство заброшенности. Судно, обланное волнами, вносало в темноту неизвестность. Самохин стоял у машинного котла и безвольно вглядывался в бушующий мрак. Кругом не было ни одного огонька. Угрожающе ричало море. Машинист ждал нового удара в камин, и по спине его пробегала мелкая дрожь.

Вспоминался об одной капитанской слабости.

— Если придется погибнуть, то погибну с треском.

Машинист крепко выругался и зашагал к капитанской каюте.

В НЕБОЛЬШОЙ кавитанской каюте было светло и уютно. Машинист платил свое за круглом трехгоном кресле, привычно к палубе. Перед ним на столе, были разставлены закуски: кашля, колбасы, сыр, сардины, даже мармелад. Но больше всего привлекала его железная коробка с горьким, так называемая «литровка», наполненная спиртом. Все это вытаскил Самохин на свет из потемневших углов шкафа. Вынул он из шкафа не только, но и кувком. По всему телу, приятно обжигая, разливалась огненная струя. Голова постепенно хмелела, а вместе с тем, как пар в котле, менялось настроение. Он теперь чувствовал себя полным хозяином выпивки и закусок, главным лицом на всем судне.

Машинист стал перед зеркалом. В одной руке он держал стакан со спиртом, а другой, свободной—пролезал на свое отражение, точно на портретного человека, говоря:

— Все нечестно в паролка. Ичези за сам капитан. Откаса только ты один, Григорий Савельевич. Молодец, пермак, слезные уши. Пью за здоровье.

Слова его, закатали кильями. Расплыло от избытка энергии, закатело веселится. Он взял паласовку, спороговоркой:

— Матрос идет — спотыкается,
На клеши наступила—а бока лаете...
Он укусался и поднимался паролка, встрихиваясь на бортах. За две десны кавиты чумала таяма, с палубы доносился вымыл шум. Это море урчало машинисту, развержая свою утробу. О, сколько раз в своей сатирической жизни он слышал такие угрозы. Вспоминался плавание за паролком кругом. Это было давно. Он служил на медокоме «Неустрашимом». Славный был паролка, прочный, силу имел дьявольскую. И все-таки однажды затерло его лядиш. Ледяные глыбы ползли на палубу с обоян бортов. Под их тяжестью трещала весь железный корпус судна. Жуткая была картина. Даже теперь страшно вспомянуть о ней. Потом «Неустрашимый» вместе с алыми полем попал в дрейф. Его повололо к северному полюсу на тысячу миль. Разве тогда кто-нибудь думал остаться живым. А это оказалось только шутка со стороны моря. Таким же манером судно повололо обратно к югу и негдо до тех пор, пока не раступилась лядя.

Надо отдать справедливость и капитану—отличный был моряк. Слав наружность его стояла: высокий, чистейший, лицо—полуазиатский самовар из красной меди, Умом можно семафорить. Бывало, снял у себя в каюте, а все זאת, что делается у него в паролке, по ходу судна мог определить, какой матрос чиркает. И теперь он командует самым лучшим паролком. Надо будет отдать к нему поступит, если море и на этот раз возьмется только пошутить с машинистом.

Самохин подвизаясь, вышел, пошатываясь, из каюты и сразу укусался в тьму, точно в безмерную банку с черняками. Ветер рвал блузу, трепал волосы и, ударившись, вислово вил в самое ухо. Море озабоченно рычало, вываливая на судно волнами и пелесоло прямо в лицо машиниста. Это обычно машиниста—он тоже начал пелесоло, стуча себе в грудь железным кувком.

— Не покороюсь. По колено в крови буду стоять, а не покороюсь. Тыфу, огащнейши.

Самохин деля загадки, пролезая по палубе, осмотрел отгадываемые огни. Все было в порядке. Потом, воображая себя капитаном, завола:

— Эй, на мостике. Ледо рука. Еще на пять руболо выдово. Либо к черту я котел поплыву, либо тараном ад разрушину...
Вернулася в каюту, еще выпила. Вспомнила про свою Аявту, что осталась на берегу,—у нее все остало веселые губы, а в глазах веселые небо. Принадкаста бы к ней, почувствовать близость женского сердца, расплескаться в любви, как волна на горячем песке, а она так далеко от него.

— Эй, доля моряка.
Взвизгивала вальсодна тоска.

Машинист подошел к дивану, изрытому простыней и одеялом, присел на край его и запер:

— Голова—ли ты моя уава,
Долго-ли буду тебя носить...
А судья—ли ты моя рокова,
Долго-ли буду с тобой яжить...

Крепкие мускулы размякли и стали расплываться, как тесто. Он начал вылезать из один бок и никак не мог вылезать. Все забавляло, перед глазами кружилась и стены каюты, и стол, и умывальник. Потом ему показалось, что (он уже не на судне, а на корве—самолете, летит выше облаков бродячих, в звездную туманность).

О ПОЧТОВОЙ МАРКЕ

*Что не екснеше солонем, атоя
Моему вонючю—письму.
Что в насупишнейши дальний город
Я отправляю друку моему.*

*Знаю, яно—в коридор сумрак Палиши
Листи мой друку—радости кувком.
Чувшис яно, скажет яже, больше
Просто марка на письме моем.*

*Штампики и печати на запятер
Красною армияю волога;
Не покажисе рисунок мертвым,
Скажет яноше нужные слова.*

*Сказало марка друку проше, ближе
Все, что я жолка, и казавши писмо.
Что Москва большею своим Кремлем
Знает, помнит, бумает о нем,
И о миллионех вот таких же.*

Гр. Кап.

СТЕНГАЗ

*Рядредуто по долам ребята,
Онуветуе камосоловский сруб,
Толкото воев за столом ваялю
Зашумит бумагами и улу.*

*— Не поюю,
— Обидис...
— В образкую.*

*Вобоем зачатик перо...
Долгис как покажисе коротким
За ладонью ладонь перо...*

*Людис, людоис но бумаж строчки,
Впрямь и екср разаминшо ямелс.
Парнички в промажешней сорочках
Будут ять, качас и смелс.*

*Людис, людоис проидеис по окуркам,
Осторожно миним зашумит,
На ребята в истрепанной тулужурка
Воспунит свой испорченный явдал.*

*Те милое, слышис стенага
Испетит корытчим кроучками.
И он радостно тотом не раз
Види по комнате:*

*— Гдешкаш...
Глянуш своа дуные лучи,
Заэкстриснейши еступили в друку.
Избитое аляпистое зашумит,
Молоток скажешней забияка.*

*А припретис солнце и ребята—
Захлебнеше клуб опять веселым.
Наш стенага—как злобосте ваятис...
Привлечет их вояр ноуевоым.*

К. Алексеев.

Он теперь чувствовал себя полным хозяином, главным лицом на судне.

ПРОСНУВШИШЬ, машинист

Самохин удивился, что он продолжает лежать в то время, когда ему давно бы уже нужно было встать. Через круглые стекла иллюминаторов казался дневной свет. Судно качалось, а за бортами слышался гул. Для моряка все это было настолько привычно, что не вызвало никаких сомнений. Он привстал, посмотрел на постельные ноги, обутое в сапоги, оказался на полушке, а под головой ничего не было. Как он попал в каюту капитана и почему так? Или это сон? Голова с похмелья трещала, а мысли путались, как обрванные нити во время ветра.

Он быстро вскочил и выбежал на палубу. Ветер ударил в лицо солеными бридами и косям дождем. Там, откуда шел ветер, слышнух с глас последнюю сонливости. На судне не было ни одного человека. Это сразу его отрезвило. Только теперь вспомнил он, что случилось ночью. Охватила гнев, взбудоражив кровь.

Куда же они все нечестно аяфими. Не морзали ни плавать, а сидеть бы дома, как тараканы в щели. Машинист, приручившись, оглядел мутный горизонт, задернутый густой сетью дождя, на берега,— ни одного дыма, ни палубы. Раздался шум ветра, изверженная поверхность моря зыблалась, олаптилась ледной, покрыва-

лась пугами, точно порваннаею олею. Торопясь палубе темпо—серым тучи, потреска, как инше хломотыма. И среди этой угремной пустыни беспешоно качался одиокий «Дельфин», ишнейши силы и воли, ставший угрюмоко молни.

Самохин усталоса. Стало невыразимо скучно. Он вернулася в каюту, опомокалсся, закурил остатками вчерашней пища. В голове стало яснее.

Ступилас в машинное отделение, и он ич не думая, топка давню погосла, котел похолодела. В мертвой неподвижности застыла машинист. Паласо замочилс маслом и равной скоростью.

Самохин закурил трубку и нескоро раз затанушис, крепко задурилс. Что нужно делать? Для него ничего не оставалос, как только жалеть счастливого случая. Может быть, приблизится какое-нибудь другое судно и выдринит его из безвешного подомешия. Хуже будет, еси «Дельфин» сам прирбится к тому ли другому берегу. В таком случае можно рассчитывать на спасение только при хорошей погоде.

Он стоял без движения, приривержаясь одной рукой за поручни машины. И в лице и во всей немой согнутой фигуре его была какая-то отечность, полная готовность принять последний удар. Вокруг него, судно доносилсися до него теперь воспринималс не так, как раньше, в другое время, когда исправно работала машина. Казалос, что море, уава в борту, взваливало сную волнами, как моворящая земляма забрала вост гроб, а ветер, мывала, пел погрбальнее песни.

Машинист резко сползнул и поврелс с мрачной безнадешностью:

— Да, положение создалося довольно скверное.

Он шн раз покосился на паровой котел, на топку. Варил из глубины души вильная мысль сплестиса с грудами тумана—малою малюю искоркой, и разгоралс, ослепшая сошлем. Серые глыбы заблестели ррешимостью, толомсегом лицо просветело. Он вздрогнул от радости. Привла

Самохин стоял у руля, подвигая туловищем вперед, без кепки и без мокрой от соленых брызг

то, что пришло ему в голову, осуществлять было невероятно трудно, но другого выхода не было. А всякая бороза, узелок, пробуждала в нем на стойчивость. Спрятан в карман гвоздь, он бросил к толпе, точно к давнему другу. Сначала нужно было выгнать из поддувала зову, а из толпы—штак. Все это он проделал в несколько минут. Потом чихнул проле, чтобы разжечь уголь. Толпа загудела огнем. Он работал дальше, охваченный приливом бешенства. Брови его упрямо сломались, две глубокие борозды пересекли лоб. Теперь беспокоила лишь одна мысль, будет ли действовать машина после вчерашнего сотрясения. Переставив из бункера угль ближе к толпе, он с истерическим поглядывал на стрелку манометра—она постепенно перемещалась с меньшей шпирой на большую, показывая ласковые пары. Прошло довольно много времени, прежде чем можно было испытать машину. Самохин, волнуясь, начал открывать клапаны. Это был момент страшного напряжения. Серые глаза озабоченно члпались в цилиндры, куда уже врылся пар. Поршня, наконец, тронулись с места и медленно намотыли вниз и вверх. Одновременно, таяко вальдая, зворочалась вся машина, ожидал, точно этот человек едет в нее струей живой крови, вальдая удуша.

— Ага,—вырвался торжествующий возглас из груди Самохина.

Он пустил машину на малый ход, а сам побежал на мостик.

Дождь «рекартался» на ветры дуга с прежней силой. Из прорыва туч на короткое время глянула солина, заливало блеском вспененную шпирь и спряталось надвато.

Машинист, испытывая руля, нашел его в полной исправности, и будто не голосом, а всем существом своим крикнул:

Идет дело на ала!

Курс ему известен. Он поставил парокда на мысленную линию, ведущую в свой порт. Потом закрепил концы руля, чтобы он стоял прямо.

Самохин снова ощутил вину. Он подождал в толпе, подобралась новая порция угля. Машину пустил на полный ход. Теперь можно не-

заглядывать сюда, по крайней мере, полчаса, уделяя главное внимание конусу.

За ночь, пока судно боталось в море мертвым грузом, его отнесло волнами и ветром в сторону от пути, в более широкую часть моря. Самохин принял это по вниманию и внес поправку в намеченный им курс. Когда-то ему приходилось плавать рудными и теневыми, опыт прошлого пригласил. Он разбирался в комплексе не хуже, чем в машине, и уверенно стоял у штурвала, держась за ручки его, широко расставив ноги, как настоящий рудовой. «Дельфин» качался, вздрагивал, но шел вперед полным ходом, послушав в твердых руках моряка, как добрый ковы. Бортовой ветер, точно игра, разбрасывала по волнам слезы клочья дыма.

— Так держать, — громко командовал самому себе Самохин.

И радость была сознанием, что он управляет судном один, соединяя в себе рудового, когекара, мехлишка и даже самого капитана. Иногда отрываясь от комплекса, он бросал взгляд на морской простор, заохматывавшийся тучами и зыбью. Деревые мысли закивала в нем. Хотелось петь, кричать. Пусть ярится ветер, пусть буншу, хлещут волны— не страшно, лишь бы не останавлилась машина. Против огромнейшей силы, разстрачивавшей свою энергию вспеную, действовала махелишка, по расчетливый мозг, заключенный в черепной коробке,—победа останется за человеком.

Самохин провел день в напряженной работе. Часто приходилось спускаться вниз, чтобы заправить толпу, осудать подчинивших машин, смать их из. Это значительно тормозило дело. Пока он возился в машинном отделении, судно всегда сбивалось с курса несмотря на то, что закрепленный руль стоял прямо. Но это его мало беспокоило. Так или иначе—он же стоял на месте, и подвигался вперед. Ираеда покрывалась силой рудной шпиря.

К вечеру погода еще больше засежела. Начинался шторм. Ветер, меняя направление, перенес в крутой бейдеви, дала почти в лоб, точно хотел обрести судно дальнее в море. Наветречу, как бесконечные гурты копей, несильно пошукывая нос судна в облако неба и брызг. «Дельфин», черная бортовикую, продолжал свой путь с упрямой настойчивостью.

Самохин стоял у руля, подвигая туловищем вперед, без кепки, весь мокрый от соленых брызг. Он всегда был возбужден, что не чувствовал холода. Плыть-поглядывал на зальа. Медно-красными тучами горел закат. В это было что-то зловещее. Встрепанное небо свисало, возмущало. Надвигалась ночь угрюмой бурей.

Машинист, отвлеченный в другую сторону, вдруг просиял, точно неожиданно достался ему большой выигрыш, и рывнуло пободно:

— Вот они. Как я их раньше не заметал...

С левого траверза на горизонте обозначились паруса нескольких судов. Они перемещались приблизительно в том же направлении, в каком шел и «Дельфин». Самохин повернул парокда наперерз им. Судне некоторое время, можно было видеть их уже хорошо. Это оказались рыбацкие парусные лодки, торпированные, освещенно, в порт, чтобы укрыться от предстоящей бурной ночи. Встречный ветер заставлял их подвигаться вперед гласьями.

Машинист, закрепив на ересь руля, первым делом поднял флаг, означающий, что парокда терпит бедствие.

Теперь не имеют права отказать мне а помощи.

Потом вынул из борт шторм-трап, заранее предусмотрев, что без него в такую погоду трудно будет забраться на палубу постороннему человеку.

Взвизывая снова за штурвал, си крикнул, обращаясь к «Дельфину», точно к другу:

— Эх, родной, не подкачай на последок. «Дельфин», казлось, понял его и, зарывшись в лоба, плавал с борта на борт, награвля все силы, чтобы сблизиться с парусниками. Он дрожал, мейкой дрожью, пульсировал каждой своей частью, как живое тело. Это означало, что машина работала исправно.

На одной из лоб поднял ответный сигнал: — Ясю ванку.

Все пять парусников повернули на помощь к «Дельфину».

В этот момент расхохотавшийся машинист был похож на безумного.

Тысчагеломом зверем зарычало море, кишло взыбыв на своей широкой спине космы волн, словно шетину.

ПЛОТНИКИ

Ой, какой, какой простор!
Солнце холод растопило
Бойко шипит мотор
По брызжачным строгалам

И лянты, лянты, лянты
Стружики, смолью наливны.
Слоно кудри у ребят,
Слоно колчя золоты.

Ой, махай, махай, махай,
Крой, руби без передышки!—
Будит хата высокая,
Слабый восток дошино.

Много надо обнести
Стружики, смолью смолою
Хороши у нас леса,
Хороши земля весною.

Плывут, плывут моторы,
Сталь нагретая торчит,
Солнце с ветром воеворт
И весь день лянты наплещет.

Смешут пиды и лянты
Стружики, смолью наливны.
Слоно кудри у ребят,
Слоно колчя золоты.

Ник. Королев

НЕБУ

Небо, вечное таинственное небо,
Что ты правдич и исчезающей еси?
Слышны тебе, от тебя мы требуем,
Тайны космоса на земле к нам спусти.

Ты, чья жизнь во тьме невог тервется,
Раскажи, кто звезды разоглас,
И откуда все кометы вальсят
В твои янкий улейной чашы.

Прежде божеской обильно считали
Тобу, тыны тыны, мой тайный кров,
Раскажи нам, небо, где начало,
Где конец незлыблемых вков.

Ты, перед чем досаде преклоняются,
Те, чей рулет время не поиста,—
Раскажи, откуда начинаются
Ветры млар восточной свавды.

Ты молчишь? Или так уже нестойким мы,
Чтобы твоим космосом узнать,
Что-ж, придешь нам самим обидами
Самолеты в воздух твои пукасти.

Ты по стоишь отнюдь необъяснимое —
Все равно дождейся близких вней,
И я твои бока изучаю,
Тыны млар восточной свавды.

Нам бы лишь пробраться в безвоздушное,
А тогда и томой, как вая,
На влечах боевум революции,
Если там досаде капитал.

Небо, вечное, таинственное небо,
Что ты грезишь в исчезающей еси?
Слышны тебе, от тебя мы требуем,
Тайны космоса на земле к нам спусти.

П. Хромов

КОНТРАБАНДИСТЫ

Рассказ И. ВЕРШИНИНА

КОНТРАБАНДУ про-овезти-и, Красну стражу про-овести-и. Две последние ноты полпылы кверху, к бульвару над обрывом, а оттуда—оркестр, веселый и бравоый марш.

Ать два, ать-два! Колька вспоминает виденных днем солдат: шлемы, винтовки, песья.

Колька—помесь: юнга, матрос, кок, адеташт. Колька работает за взрослого, а лет—всего девятнадцать.

Ночь в сентябре—особенная: ветер, разогнавшись с Трапеузда, пробежал все Черное море—ласковый, теплый, соленный.

Брекватор не пропускает волны в порт. К дубку докатывается зыбь, облежит солеными губами просмоленный борт, дубок чуть-чуть шевельнется, фанарь на бортю наклонится к воде, выхватит из черной—хоть руками шуйай—темноты темную воду, склизкие бревна, арбузные корки—и опять темь до следующего всплеска волны.

Колька—вахтенный.

И не просто вахтенный—с фокусом: если зазвенят шпоры по бревнам пристани—окликнуть и неважно за леерок дернуть—а в каютке веревка сдернет бутылку, бутылка—Апостолиди на ноги, Апостолиди вскочит и...

Колька вспоминает солдат, шлемы, песню—обидно и больно Кольке: все люди, а он—как плавек на блюде.

Тю!

II

СВЕРХУ вниз: Третий этаж—путиница телефонов, разговоров, бутербродов, жидкого чая и запахов краски и влажной бумаги.

Каждый стол—осколок жизни, горячий и свежий. Каждый стол—человек, перо, узенькая полоска бумаги.—Редакция.

Второй этаж: треск цикад и летний вечер, мягкие больничные шаги, черные тени—спецодежда—под ярким светом.

Рука из клетки в клетку, буквы от себя, строем в перстатку, шпации, шлоны; наборные машины разговаривают ровными строками свища.—Наборная.

Первый этаж—машины, приводы, станки, лампочки, бегающие за человеком, аккумуляторные глыбы бумаги.—Печатное, стереотип.

А тут отсюда мальчишки, как горох из жмени:

— В Греции ха-лолдный бой под горячий войвой.

— Звестия, Звестия!

— Последние новости!

— Смерть пирализмы!

Сумма всех этажей: газета „Известия“ приморского города.

В „Известиях“ работает Васька, тот самый Васька, который проделал путь от рабкора в рабжуры.

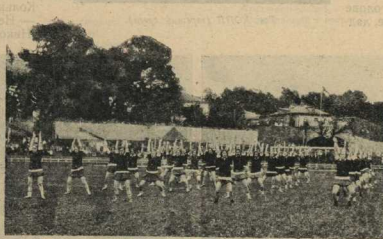
Поздно. Васька валиком к трамваю, во порт—нужно на завтра приготовить окиснение борта дубков.

ОТКРЫТИЕ СПОРТПЛОЩАДКИ (Б. Уинсон)

У трибуры площади.

— В клубе был один раз. Непонятные слова всякие. И плакат бо-оль-шущий:

Ролл — важная женской группы на открытии спортплощадки.

КОНТРАБАНДА—ПОЗОР!

— А ежели мы с этой контрабанды хлеб кушаем, а?

Из каютки, где Апостолиди, хозяйин—храп, вонь, сон.

— Или с флагами ходили, а он с разными одетыми на тротуаре стоял. А Апостолиди говорит:

— Сукины дети они, жулики...

С берега:

— Эй, на вахте!

Веревочка—раз. Апостолиди с койки—два. Пакет на шнурке за иллюминатор—три.

— Эй, на вахте—и!

Васька шаркает тяжелыми сапогами, тяжелым (как Апостолиди) басом:

— Слышу! Чи-чае!

Ночь отскакивает от желтизны фонаря, по чернильной воде тянется светлая волоса, прыгает, змеится, цепляется за арбузные корки и склизкие бревна. По трапу—электрический фонарик, шпоры, силуэты, тревога.

Васька хрипло и густо (как большой):

— Чего вам?

С трапа:

— Хозяйин! Из програнотряла!

Апостолиди подливает вкрадчиво: — Есьс хозяйин. Пожалуйста. Тце-тце. Защем поздно? Защем нада?

Васька думает: „Хитрый стераушко. По-русскому говорить умеет, а как—с гелеу, так ен за греку... Жлоб“.

Фонарный свет stalkивается, путается, вырывает из тьмы, пустоты пятнами плалубу, матчу, снасти, лица.

III

ВОТ ТОВАРИЩИ из редакции желают для газеты с вами побеседовать.

Апостолиди юлит ногами, путается, рассказывает, объясняет:

— Рыбка, рыбацкая жизнь.

А провожатый из ГПУ смеется:

— Знаем мы эту рыбку! Контрабанду возишь.

И журналисту:

— Исключительно увертливым тип. Знаем, что контрабандист, а побывать с полицьям—невозможно.

Колька слушает, ухмыляется:

— Как же! Поймаешь!

А парель из газеты к

Кольке:

— И ты контрабандой занимаешься?

А Ваську под бок. Отошли дальше, а Васька намеренно громко:

— Папа-ша!

А в памяти встало:

Мимо груд арбузов и зелени к зеленой, тягучей воде привел его батька. Ободраный был Васька и шушлый, а батька—пыняный на совсем.

Выходил батька из каютки:

— Ты здесь будешь. Поучиси.

А сошел на пристани, пыняными следами заивался:

— Сы-но-чеу! Васенька! Проппил и...

Парень из редакции не унимается:

— Чего-ж ты молчишь? Ты в клуб ходишь?

— Ку-ль?

— Про Кожсомол знаешь?

— Не.

Не дурак Васька. Просто—ночь, новые люди, слова такие непонятные, паренёк из ГПУ, которого привик бояться. А главное—этот, из редакции: ловкий, словами сыпет.

Карта. Ведите пальцем: го-су-дар-ствен-ная гра-ни-ца—СССР.

Чёрное море—стоп.

По берегу, между острых углов скал, между дачных заборов и рыбацких хижинок, через каждые сто-ль-ко-то шагов—погранотряд, глаза и уши охраны республик.

Где-то там, в Москве—Внешторг, миссии, ГПУ, а тут глаза, уши, внимание—контрабанду, контр-революцию—не провезти.

Дальше по карте:

Румыния. Страна.

У пристани—Апостолиди младший. Торгуется с двумя:

— Мы вас провезем замечательно.

И закатывает глаза кверху.

Эх, еслиб этим двум поднять черепные коробки, заглянуть в головы—страшно стало бы столько там зла, ненависти, зависти. Известное дело—врагельские офицершики?

— Так вы этот груз провезете до Фонтана, а там его уж примут. А деньги—по исполнению.

— Риск, набавить надо.

А груз—кокаин. Большой портовой, советский город—много в нём людей. И есть большие, почти безумные: из кармана белый порошок на руку, в ямку у большого пальца сыпят, нюхают, балдеют.

Советская власть—против.

Заграничные людишки—за прибыль, в газете написать можно, а на месте—свернуть молодого кого-нибудь, приучить к кокаину.

— Так в пятницу?

— В пятницу. Ночью.

IV

ПОДРУЖИЛИСЬ Васька с Колькой—три раза говорили подолгу. И вместо каш, мешанины, грохота—в голове у Кольки дело, умные слова, новое, ладное, хорошее.

Знает накрепко Колька:

— Я—трудолюбивый. Пролетар. А Апостолиди—исплототар.

Плакат:

КОНТРАБАНДА—ПОЗОРИ!

Крепко в голове засел.

— Уйду к чорту! Только еще один рейс сделаю.

В пятницу ночью два дубка в море, далеко, бортом к борту. Колька—как будто ничего, а сам слушает, в одно огромное ухо превратился.

Греки-братья быстро-быстро друг другу рассказывают, а Колька улавливает:

— Кокаин. На Фонтане сдать. Почта. Офицер. Письма береги. Кокаин.

КОНТРАБАНДА—ПОЗОРИ!

А здесь хуже контрабанды.

С. С. С. Р. и ЯПОНИЯ.

Тов. КОПП (третий слева).

V

НОЧЬ. Чернота. Тишь.

В темноту глаза.

На дубке—Апостолиди—мимо постов, к песчаной косе, где ждут юркие лодки, юркие люди и деньги.

На посту—в море, поймать Апостолиди, надувать прожектором, взять, конфисковать.

Луч—кверху, в бок, в длину, прыжок—прожектор ищет, шумает, ой-ой—найдет.

А Апостолиди—хитрый. Под самым берегом, куда не догадываются шупальца прожектора пустить, шепотком, на одном зачеренном клинере проскочит.

— Ты-ты! Ти-хой!

А Колька сразу:

— Эй, на по-сту!

Апостолиди—к нему:

— Ты-ты-цыц.

— Эй-эй, на по-сту!

Прожектор бегаёт, рыщет, прыгает.

— Ага, есть, сто-ой!

Сноп света выхватывает дубок грека, пакет, брошенный в воду, а главное—Апостолиди резко дергает деер, блок скользнет, летит вниз и—

— вместе с окриком сверху, с берега, с пограниста:

— Бросай якорь!

Сливается страдальческое.

— Эй-ой!

Блок ударил Кольку по черепу.

VI

В газете, в «Известиях» на второй странице:

„ЗАХВАТ КОНТРАБАНДЫ.

Ночью задержано судно „Анна“ с грузом контрабанды.

При спуске яруса—тот жео равен сорвавшийся блок юнга Николай Апостолиди.

Задержана переписка с закордонной контр-революционной организацией.

„Следствие производится“.

Лежит Колька, голова трещит, больно, Васька рядом:

— Здорово, а?

— Молодец, Колька! Ловко, — и смеется.

— Николай Апостолиди.

Колька поднимает голову от подушки

— Не. Я больше не Апостолиди

Я—Николай Комсомлец! Вот!

С Л Е В А : ПРИЕЗД В ТОКИО ТОВА. КОППА—СОВЕТСКОГО ПОСЛА. Встреча тов. Коппа на вокзале С П РА В А : ПЕРВОЕ МАЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ. Первомайская митинг в Токио.

КУЛАЦКИЙ ЗАДОР

Иван Доронин

I

Хата под железо,
Каменный амбар,
С петушком крыльцо,
С петушком труба,
Под окном рябина,
У рябины хмель,
Сматривая в окошечко
Длинный журавль.

За двором под речку
Убежит саб—
Винны да черешни,
Черный вишнеград,
Груша да грушевка,
Липа да сирень,
Шатка брызгалота
Сенска на плетень.

Белая береза,
Сербубристая лист,
В колодез машине
Перекатный сеист,
Баня у канавы
В косях лоданка,
Ванька везенье
Сохнут по бокам.

У тумна солому
Везри волокут,
Премают молотилка
На влукном току,
Под навесом сани,
Борона и паук,
Белый лен у вилки
Что лебяжий пух.

Под навесом ягосом
Плывет смолыным,
Будто у ягоса
Шестьдесят сонни,
Куры, куры, куры,
Тучи, тучи кур,
Он куриных рыленин
Вьют рвб и бур.

Ворона тесови,
С крыльцом они
У ворот со скринном
Пролетают дни,
Ходили, ходили по двору
Мурин вороний,
Глуша курчавая
Пыльчю вонюй.

На сеничк светяток
Сидит голубый,
Зароски корыта
Жиром отрубей,
У сеничк высокых
Птировый дух,
Птичником встывает
Борон на ходу.

Сыплется вестиль,
Боробанный задор,
У коров солнце
Вробит по ровам,
И коров радости,
Рвется в створы,
В створы птички
Сочные, как мед.

В огороде лук, лук,
Глухой укроп,
В канопке дремучей
Огород уютон.
Сиярестия синичка,
Сиярестия чижик...
Хорошо в дождливость
Молодым похосить.

При дождливость осень
Кажется весной,
Сердце потешается
Песнею хмельной.
Хата под железо,
Каменный амбар,
С петушком крыльцо,
С петушком труба.

II

В этой хате,
За большой горою
Жил Семенов,
Со старухой жила.
Эту хату
Лед еще поостроил,
Лед еще сложил.

Скрывал бы
Покройник дедка,
Скрывай быть
И сыну он велел.
Редео,
Редео,
Очень редко
Сладко пил
И ел.

Голодал,
А золото под нечкой
Сберезал—
Толкуй...
Рассказал про волоно,
Линь слезь как
Наседаа пришлося
Старичку.

Сенька дедка
Помнил мало,
То рассказыва бацьки
Больше знал...
Больше Сеньку
Дедка бил бывало,
Больно
Поводом стებაа.

Говорил старик:
— Не бабай,
Не впрониса мне ты,
Сын собачий.
Стрив был дед,
Линь носье дедка малый
Грамоте учиться начал.

Кочичи шиколу—
Чай не лет,
Перейти в полнучю деджикси...
Помнил Сенька,
Как в нустыни бас
Присытааа
К спосителю обнажжи.

— Если сын ты божиий,
Если бог ты,
Сберься ниги,
На скалы
Загуди...
Оробей Христос:
— Как мей,
Как мей ты
Искутал, дивел?
Отойди...

И пошел менчистый
В прескисную,
А в стеньди к селяниам,
В долины,
Саруали селяне
Речь раскисную,
Сладкую,
Как ягода-малина.

Навистил Мессия
Не одну страну,
Не забыл
Ни од-о-во он край...
Птички вносе вот
Ни сего
И ни жукнуя,
А поби эс
Не помиралю...

Но у Сеньки
В зельсе забыла
Крепко мысль была одна:
— Бог-но бог,
А ты,
А ты-то
Не пламай.

Узнала квал еднба,
Так и жила Семен—
На вечерниках
Рассыпан орехами слова,
То Акулюк,
То Аричку
За улом украдой цоловал.

А плотон
Начиа захотеть за Машей,
Вольно уж
Кресика веза...
Выйдет это,
Да пилатком замает—
Крива, горни,
Очень,
А не влада.

Не случилось тути,
Случилось дужже,
Пролетали врозь тум...
Закружили,
Завертели
И лавьжжили
Голови мужичек на-лету.

На кустырь
Плоскулись чернички,
Зеленя, зеленя звоночались...
Земля барскую,
Робилку амилну
Мужички рассказали.
На собраных
Мужички шумели,
Была шум мужичий,
Как прибоа...

— Править сами
Мы собой сумеем...
Править сами
Будем мы собой...
— Пристаа-извере—
Пристаа—долоп,
Барина-кощия в воду!

В эти дни
Была бацька Сенькин влод
Зад-аравод,
Как нискогда он робу,

III

Думалось:
— Ну, уж малярство крышка,
Крышка кулючю...
Прикусили языкчи-но
Вилье как—
Сельно далят лютых
Курчун...
... Думалось...

А воны приполкали,
Протикали,
Заливали дни.

Годы—годы
Вилье и лажкалече,
Вилье и лажкалече они,
Годы—годы,
То зашлепят воры,
То убиты покорно
В береза...

Стихили врозь,
А за ними воли,
Полетали воины
Будто велять...

Тут-но во т
Кулацкие породы
И подыли волоом
Олять...
Тут-но во т,
Воп в это время
Бацька Сенькин
Зелье заворил...

— Время, милые мои, не время,
Опыраис проворюил,
Времяку упустили—
Не поймаеги,
Не завоини времечко во двор...
Власть советскую,
Мы не замади,
Власть советская
Нам не укор.

И, хлебнув
Израбидо перемача,
Бельюбабничка
Принер хипер...
— Я уж
Не обожу Кузьмича,
Ты уж
Не скупись, мой отец

Исполу,
Так исполу,
Давай-ка
То гужам
И завоира завоира...
— Да не доросло, Еворчи,
Сбавь-ка...

— Ну, ни, ни,
Деление не ашу!
Времечко упустили—
Не поймаеги,
Не завоини времечко во двор...

Так-то год,
Как белев
Ранним мам,
И вцеля
Кулючский задор.

В это время
Напильвали рожки,
Заваривали,
Полыхали маки,
Сенька в армию
Поняа служить,
То биль в лес—
В великим плавки.

А Машуку
Комсомоа приеята,
Отшанулася
От Сеньки Маша,
Сделаа девка,
В девлякии мейтис,
Сделаа девка
Веселая и краше.

ИВАН ДОРОНИН

УЛИЦА И КЛУБ

По материалам Подлитпресвета ЦК РЛКСМ, Снимки Ф. ЗУБКОВА.

УЛИЦА И КЛУБ— вот две силы, которые борются за овладение отдыхом молодого рабочего.

Кино, летние сады, пивные и другие заманчивые места посещаются обычно лишь в первые дни после получки; средства иссякают, и улицы и бульвар становятся единственным местом отдыха. Убивают время удивительно однообразно. Или ходят взад-вперед, толкая друг друга, или собираются кучками и и задевают прохожих девушек. Да и те в долгу не остаются: они тоже заводят знакомства, ищут ухащеров, гуляют ради самого простецкого флирта.

Изредка в какой-либо группе затянут,— песню «Кирпичики», «Александровский централ» — гораздо чаще звучит хлесткая матерщина.

Встретить пьяных на таком гуляньи можно на каждом шагу.

На окраинах города, особенно в провинции, праздничное гулянье очень близко соприкасается с кулачными боями. Сперва в бое участвуют лишь избранные, но едва противная сторона начнет «ломать стенку», как все гуляющие бросятся на выручку друзей и товарищей.

Потасовки меньшего масштаба, не менее, однако, зубодробительные, случаются каждый день.

Но если в районе создается клуб сад, улица быстро пустеет. Остаются на ней выбитые из колеи «безработные», да темные личности обоего пола. Вся рабочая молодежь перекочевывает в клуб-сад.

Пошли в клуб сад

В этом отношении чрезвычайно показательна практика двух районных клубов Москвы—Красно-Пресненского и Рогожско-Симоновского.

Молодежь в клубы самотеком.

Входишь в клуб и сразу ловишь ухом громкие песни. Это уже не «Кирпичики», не «Александровский централ» — тут комсомольцы, тут их духом пахнет. Поют все наперечет революционные песни.

Обычно, едва затянут в каком-либо уголке, подхватывают новые и новые голоса; сразу находится самозванный дирижер, несмотря на дикую жестикуляцию которого песни все-таки идут на лад.

Клуб-сад обычно любовно оборудован самими ребятами.

И скамьи сами красят, и цветники рассаживают, и качели устанавливают.

Качели и спорт-площадка — наиболее шумные и веселые места. Особенно качели. Тут всегда стоит толпа ожидающих своей очереди, чтобы взлететь высоко-высоко, пока дух не захватит. Тут же недалеко и городки. В них играют с большим азартом, ибо за проигрыши нужно расплачиваться: победители катаются на побежденных.

На спорт-площадке упражняются на снарядах: кольца, шест, турник, лестница — все занято ребятами и девушками, упражняющими свои мускулы.

Играют в крокет, устраивают бег на короткую дистанцию, прыгают, слоняются, все виды спорта находят себе приют в клубе-саду.

Отдельные клубы сады стремятся опередить друг друга своей изобретательностью, новизной приемов работы.

Очень часто проводятся так называемые клубные экскурсии. В Ярцеве во время таких экскурсий удачно провели инсценировки на воде. В Ленинграде клубы устраивали массовые инсценировки под открытым небом. В некоторых московских клубах с большим успехом проходили факельные прогулки-карнавалы: ражженные ребята устраивали вечером прогулку с факелами в те места, где особенно много гуляющей молодежи. Такие прогулки сразу рождают сторонников перехода с улицы в клуб-сад; молодежь вволю убеждается, во сколько раз веселее и интереснее можно провести время в клубе.

И цветники рассаживают...

И скамьи сами красят...

Есть в мейках

Веселятся во всю!

Клуб-сад является летом наиболее привлекательным местом, т. к. хочется отдохнуть на свежем воздухе, не утруждая себя умственной работой.

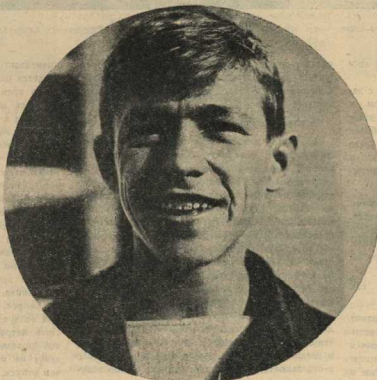
Но в клубе не одни только развлечения.

Тут и читальня, в которой всегда сидят парни и девушки за книгами и газетами, тут и стенная газета, тут и доклады и лекции, которые проводятся на злободневные политические и научные темы.

Если бы в клубе было только это—как знать?—возможно ему не удалось бы оттянуть своих посетителей у улицы. Клуб казался бы чересчур скучным, посещение его было бы похоже на какую-то повинность, которую нужно отбывать для очистки совести.

Но среди развлечений и забав читальня и доклады уже не утомляют. Те ребята, которые сидят в читальне, вовсе не зареклись играть в городки или раскачиваться на качелях; наоборот, они только что отгула. Книжка идет рука-об-руку с летними развлечениями, и это вполне правильно: и летом нужно пополнять свои знания, и летом нужно помнить, что каждый молодой рабочий должен быть активным участником общественно-политической жизни.

В клубах-садах на открытом воздухе переводят свою работу и всевозможные клубные кружки, хотя, по правде сказать, спорт высказано поглощает большую часть остальной работы. Но и то, что остается, живет достаточно ярко и усиленно.

Тяп клубиста

Такой темп работы не может быть сохранен, если клуб не перенесен на открытый воздух, если он по прежнему ютится в четырех стенах душного здания. Улица составит ему непобедимую конкуренцию.

Но клуб-сад может не страшиться конкуренции улицы. Вход в него, освещенный электричеством, уже издали манит взоры рабочего парня, кончившего работу, переодетшегося и ищущего места, где бы отдохнуть.

Выбор—улица, клуб-сад.

Дома никто не согласится остаться. Зимой и то, из-за жилищной тесноты, которую мы еще не скоро изживем до конца, трудно ребятам усидеть взаперти: душно, спертый воздух, негде повернуться. Летом и подавно каждый ищет местечко под открытым небом.

Улица—клуб-сад.

— Кто голосует за улицу?

Вот поднялись несколько рук. Это отчаянные забулдыги, предпочитающие бульварную суету всем земным благам, а и среди них влодствени будат каюстяни грешники.

Кто за клуб-сад?

Считите сами: эта волна молодежи, вливающаяся в распахнутые ворота клуба-сада, голосует за.

***

Стенгаз в производстве...

МОЛОДЕЖЬ В ОТПУСКУ

Е. Т., снимки Ф. ЗУБКОВА

В доме отдыха за чаем.

Развлечения сидящей молодежи.

КОМСОМОЛЬСКИЙ возраст, это—обычно возраст роста организма.

Пребывание в комсомоле совпадает с заметным физическим развитием, с переходом от подростка к юноше, от юноши к взрослому человеку. Сейчас свои силы надо рассчитывать на более длительный период. Это нужно рабочему классу, это нужно партии, и потому мы обращаем опять и опять внимание комсомольца на всякую возможность оздоровления и укрепления.

В данный момент такая возможность, помимо всех обычных, так-сказать, добавочная,—имеется. Это очередной летний отпуск. Комсомолец, получающий отпуск, должен обдумать его заранее, должен рассчитать так, чтобы ни один день не пропал даром.

Обычно ребята относятся к отпуску, как к „гулянке“.

„Ну, теперь гуляю“. А „гуляю“, это значит шатаю по улицам, душина „кинушка“, увеличенное количество пиварис; если парень увлечен футболом, то футбол до самоубийств; если плаванием, то купание до потери в весе. Есть еще и такая маюра у ребят: днем делается скучно, на фабрике, на заводе находится все товарищи, на фабрике привачная обстановка, и парень, который не любит кудам едтса, за что встать,—начинает хотеть каждый день на фабрику, пошатается,

попадет в ячейку, в цеха, проведает товарищей, и несколько часов проведет в духоте фабрики вместо того, чтобы накопить силы к годичному труду.

А ведь все это можно сделать иначе.

К услугам каждого комсомольца сеть кружков физкультуры, физкультуры настоящей, организованной, а не до „бесчувствия“. При наличии же инициативы как у самих отпускников, так и у комсомольских ячеек, можно организовать не только нормальный отдых каждого отдельного комсомольца, но и целой группы. Последнее легче и целесообразнее. Форм такой коллективизации можно придумать сколько угодно: экскурсии, прогулки за город, перенесение занятий кружка физкультуры на воздух, привлечение ребят в летние сады-каубы, лагеря за городом на неподходящее время, два—три дня в особо-хорошую погоду, рыболовные лагеря, дальние экскурсии-коллективное переселение на дачу, мясные путешествия на лодках. Все это доступно, возможно и, соединяя такие меры с личным режимом каждого в отдельности, в результате отпуска можно получить окрепшее свежее тело и ясную голову, которую воспринимать без утомления осеннюю и зимнюю учбу.

Это об остающихся в городах. Ребятам, уезжающим в деревню во время отпуска, другой

жизненный план. Основным моментом этого плана является шефская обязанность.

Во время летнего отпуска можно многое сделать для шефства над деревней. О задачах отпускника в деревне уже говорилось, писались, то многих ячеек была проделана подготовительная работа с отпускниками.

Нужно только отметить, что уезжающие в деревню часто считают, что их отдых—дело конечное, „какой, мол, стдох шефскую работу надо делать“. Такое отношение к отпуску в деревне неправильно. Великолеко можно отдохнуть, сочетая отдых с шефскими делами, потому что каждая мелочь, не дающая особого труда отдыхавшему, газета, прочитанная с крестьянами, прогулка с деревенскими комсомольцами, физкультурный деревенский кружок, организованный по инициативе отпускника, ответ крестьянину на интересующий его вопрос,—все это и есть шефская работа. Свежий воздух, нормальная еда, нормальный сон, чистота, нетрудовая книжка и сознание общественной полезности своего пребывания в деревне, дадут не меньше, если не больше результаты чем отпуск, хорошо проведенный в городе.

Не потерять напрасно времени, не пропустить ни одного солнечного луча, окрепнуть физически, освесжить голову, организовать себя и товарищей—не забывать о деревне—такими в общем наши предложения.

Солнечные ванны укрепляют организм.

Купание—любимое занятие физкультурников.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ДАЧА

К. ТРОЩЕНКО, снимки Ф. ЗУБКОВА

Играют в городки

ОСТАВАЙСЯ, победаешь с нами* — заявили мне девочки, убирая маленькую дачную кухню: — „Галущки уже готовы“.

Длинный чистый стол на террасе был уже „сервирован“ деревянными ложками и горками черного хлеба.

Ребята доигрывали последнюю партию в самодельные городки на маленькой, влажной от вчерашнего дождя площадке, заключенной в нежно-зеленую рамку травы.

Гости сегодня наехали в летнюю коммуноу* немало. Каждый праздничный день приезжают к коммунарам ребята с их завода, живущие в городе; в коммуноу много воздуха и травы, в коммуноу дух коллективизма и товарищества.

Задумали ребята переехать летим на дачу задолго до теплой дачной поры, еще ранней весной подбирали охотников.

Лето в Москве, да еще на промышленной фабричной рабочей окраине, сулит мало хорошего: тесная каморка ночью, пыль улиц и автомобильная гарь днем и чахлая зелень бульваров в часы отъезда. Дом отдыха, санатория—это для немногих, для наиболее слабых, так что ребятам предстояло провести лето и очередной летний отпуск в обычных городских условиях.

Подобралось несколько человек, девочки и парни обдумали все до тонкости, и в начале мая сняли на весь сезон дачу в одной из дачных местностей под Москвой. И надо сказать, что место выбрали удачно. Полчас езды поездом, и будто нет никакого города поблизости, такие свежие сосны у полотна железной дороги, такая чистая, поросшая травой, нелюдная дачная улица. Площадка для игр, прекрасный заросший парк вблизи, одним словом—лучше не найдешь!

Собрались быстро, один парень не пошел в тот день на работу, достали

лошадь, перевезли свое скромное имущество: кровати, книжки, и зажили.

Никаких особых комиссий, никаких специальных должностей, один кассир, ведущий денежные дела коммуны. С каж дого по 20 руб. в месяц за все: и стол, и плата за дачу, и стирка — все входит в эту, вполне приемлемую для одинокого рабочего парня, сумму.

Шамовку готовят отпускайки. Из 14-ти человек, живущих на этой комсомольской даче, 2—3 обычно в отпуску; они остаются весь день дома и готовят пищу для всех работающих, уехавших в город.

Если в отпуску только девушки, то тяжелая работа, как носка воды, копка дров, исполняется работающими ребятами или до работы или после.

К приезду работающих из города все прибрано, сварено, и так как было договорено еще и с хозяйкой дачи, чтобы она помогала в варке пищи, то девочкам не приходится туго.

— На все времени хватает: и на книжку, и на гуляние. Собреемся все вечером, поем. Есть голосистые*.

— А что, родные не были против того, чтобы вы переехали? — спрашиваю у одной из девчат.

— У меня ворчали, а у Маруськи матери нет, померла, а если бы жива была, ни за что бы не пустила. Как же это с чужими парнями в одной квартире жить, да таким девочкам* — только и слышишь, когда приезжаешь в город.

Распорядок жизни простой: встают рано, едят сытно, просто, белье стирают сами. Девушки к шашкам пристрастились, ребята неразлучны с футболом.

Больше всего бросается в глаза, когда приезжаешь к ребятам, дружба и согласие, парцье в этой комсомольской даче. Подшучивают, правда, друг над другом, девочка зубастые, если увидят кого на насмешку, затреплют, но чувствуется здоровое товарищеское от-

Городки привлекают много зрителей

ношение, никаких ссор и столкновений по мелочам.

— Работу кончишь, тянется поскорее на дачу, — говорит один из коммунаров — Тут воздух какой, свжий.

На воздухе все кажется вкуснее в сто раз и мы, усевшись за обеденный стол, поглощаем знаменитые галущки с творогом, вызывающие кучу насмешливых замечаний. Обедаем в 2 очереди — народу много, всех сразу не накормишь.

Действительно, воздух оческ уж свежий, аппетит как раз по галущкам.

— Ребята, вы гостей не приглашайте, а то без штанов останетесь, об'едят, — советует один из приехавших в гости.

— Да, да, — подхватывает еще кто-то из гостей, — нужно, чтобы гости тоже плату вносили.

— Ну, что ты, — обиделись девочки „хозяйки“, — что ты, как же с гостей деньги брать, — и возмущенное чувство гостеприимства заставило одну из сегодняшних „хозяек“ подложить самую крупную галущку в тарелку гостя.

Вот так, при наличии инициативы и организованности, даже при небольших материальных возможностях, использование великолепно лето и летний отпуск.

Надо сознаться, что этот опыт ребята представляет собой довольно целесообразное использование имеющихся возможностей. Группа невелика, но пример заразителен, и уже подыскивается новая группа ребят с того же завода дача по соседству.

То, что для каждого в отдельности было бы недостаточно, оказалось возможным и выполнимым для группы в 15 человек.

И вместо душной улицы, после фабричного дня—зеленая прохлада клеенов и влзов, вместо гулянья по бульварам и кино во время отпуска — городки и кулание в пруду.

Чем же плох?

Свежий воздух возбуждает аппетит

ПЕРВАЯ ТЕРРИТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ

С. КЛИМОВ

1905-й Г. О. Д.

Перед революцией 1905 года страна переживала один тяжелый экономический кризис за другим. Развивавшийся быстрым темпом капитализм вступал в противоречия с существовавшим тогда самодержавно-помещичьим строем. Война с Японией складывалась крайне неудачно для русской армии. В хозяйстве страны образовались огромные, чезлачевавшиеся раны. Пролетариат голодал и холодал; росло озлобление; крестьянство уже не требовало, а само брало землю; буржуазия также выступала против самодержавия.

После наивной январской демонстрации к царю, после ряда грандиозных стачек, после восстания на „Потемкине Таврическом“ — дело доходит до открытой вооруженной революции — декабрьского восстания 1905 года. В крови и огне, под залпами артиллерии гибнет революция.

В чем причины гибели? Большевики готовились к революции, они ее организовывали. Но в ногах у них путались меньшевики и эсеры; буржуазия, претендовавшая на роль вождя революции, в решительную минуту лугалась и предавала пролетариат; не было еще опыта восстания; не было еще закреплен союза с крестьянством. Значит ли это, что не надо было — по выражению Плеханова — братья за оружие? Нет. Революция 1905 г. подготовила почву для революции 1917 г. — это была своеобразная „генеральная репетиция“; она показала, что победа возможна только в том случае, когда революцией руководит пролетариат, ведущий за собой крестьянство и использующий, когда это ему выгодно, буржуазию; революция 1905 г. продемонстрировала перед всем миром ряд интереснейших моментов героической борьбы восстающего народа. К числу последних относится восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический“, 20-летие которого отмечаем мы в эти дни.

АРМИЯ—ГЛАВНАЯ ОПОРА

БОЛЬШУЮ пользу приносит буржуазии религия, школа, кабаки и иные способы затемнения сознания трудящихся масс. Но без армии — вооруженной силы — ни одного дня не удержаться ей, как не удержалось в 1917 г. русское

Матрос Матюшенко — руководитель восстания.

самодержавие, когда солдаты перешли на сторону восставших рабочих. И в 1905 году наиболее опасным для царизма моментом был тот, когда стали бунтовать солдаты, и красное знамя восстания взвилось над флотом.

Слишком далеко зашли правые классы в своем стремлении выдресировать из солдат и матросов послушные машины для расстрела революционно настроенных рабочих и крестьян. Не говоря уже об общем настроении в стране, та атмосфера, которая царил в казармах, толкала солдат и матросов на соединение со своими братьями по крови и по духу.

В книжках, посвященных истории флота, приводятся примеры возмутительнейшего обращения с „нижними чинами“. Их превращали в деньщиков, обслуживавших офицерских жён; закон запрещал им курить на улице, ходить под руку с женщиной, даже класть руки в карманы; во Владивостоке при входе на Приморский бульвар (как и в ряде других городов) висела надпись: „Собакам и нижним чинам вход воспрещается“; в Севастополе, под страхом заключения в тюрьму, матросам запрещалось ходить по двум бульварам, двум аллеям и одной улице; в случае ареста, неоднократно имело место телесное наказание.

Мордобой был обыкновенным явлением. Дворянчики — офицеры попросту издевались над отдающими в их распоряжение солдатами и матросами. За оскорбление же офицера полагалась смертная казнь.

„Серая скотинка“ зарплатала. Особенно революционным языком заговорил флот. В отличие от армии, он состоял,

главным образом, из квалифицированных рабочих, зачастую уже не вполне „благодарных“ в политическом отношении. „Флот Николая II-го был наиболее пролетарской частью его вооруженной силы,“ — пишет М. Покровский, известный русский историк. Революционная пропаганда всегда находила здесь живейший отклик. Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический“ показало высокую сознательность флота, его организованность (правда, недостаточную), его преданность революции. Оно говорило о том, что страна — пролетариат, крестьянство уже созрели для революции, для вооруженного восстания против царизма. „Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца „Потемкин“ ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения,“ — писал в 1905 г. В. И. Ленин.

13 ИЮНЯ — ДАТА ВОССТАНИЯ

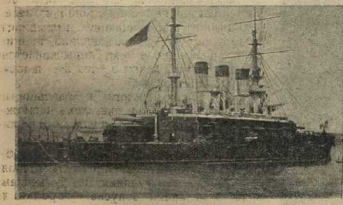
Всёобщее восстание во флоте предполагалось устроить в июле, когда на Черном море должны были происходить большие маневры. Восстание на „Потемкине“ вспыхнуло раньше и разстроило весь план.

Начало — как всегда — на продовольственной почве. Из Одессы привезли несвежее мясо. Это заметили матросы. Собралась толпа. Началась перебранка с начальством. Вызванный для осмотра старший врач нашел мясо вполне годным. Команда все же наотрез отказалась есть его.

Узнав об этом, командир броненосца Голиков велел выстроить всех матросов. Он обещал повесить всех матросов, нарушавших дисциплину.

„Желающие есть суп — три шага вперед!“ Команда ни с места. Тогда Голиков вызывает караул, чтобы арестовать команду. Большая часть команды выходит из строя, — на месте остается лишь несколько десятков человек.

Старший офицер Гиляровский лишает приказ окружить оставшихся. Одновременно он приказывает принести брезент, которым на кораблях покрывали осужденных на смерть. Матросы начинают громко возмущаться. Караул выходит из повиновения, он отказывается стре-

Броненосец „Потемкин Таврический“.

Броненосец „Потемкин Таврический“.

дять в матросов. Артиллерист Вакулинчик призывает к оружию. Гиляровский, вырвав у караульного винтовку, убивает Вакулинчика.

Дальше события развиваются с быстротой молнии. В другой части броненосца матросы, под руководством Матюшенко, взламывают патронные погреба и достают оружие. Матюшенко убивает офицера Неуспокова. Другие убивают Гиляровского. Под крики „Долой самодержавие“ и „Да здравствует свобода“ стали расстреливать офицеров.

Петрусовский командир Голяков тщетно молит о пощаде. „На кой требовали матросы, Голякова убили. Офицеров, обещающих верность свободе, не тронули.“

Собирается митинг. Матюшенко разъясняет смысл происшедшего на броненосце. Команда восторженно принимает его речь. Все чувствуют, что путь к отступлению уже отрезан, поднято знамя революции, — и вперед остается только одно — борьба. Командные должности распределяются между матросами, избирается судовой комитет и другие судовые организации.

Так началось восстание на самом большом броненосце царского флота „Князь Потемкин Таврический“, восстание, однанадцать дней которого вошли в историю первой русской революции.

ОДИННАДЦАТЬ ДНЕЙ

ПОЛТОРЫ НЕДЕЛИ „Потемкин Таврический“ был — по выражению

Ильича — „непобежденной территорией революции“. Полторы недели находились он в центре внимания всего цивилизованного человечества. Что же творилось в эти дни на броненосце?

Матросы ясно понимали, что без поддержки всего флота им не продержаться. Стали ждать прибытия эскадры. „Потемкин“ прибыл в Одессу, где уже тоже происходили волнения. Ему была устроена восторженная встреча. Здесь похоронили Вакулинчука. На корабль приехали представители одесской союда, организации.

Утром 17 июня в Одессе стала приближаться эскадра. „Потемкин“ привстал к боевой встрече с нею. Момент был захватывающий. Перед угрозою „Потемкина“: „Стать на якорь или буду стрелять“ — эскадра остановилась.

— Черноморцы, мы урочены вашим поступком. Безумцы, чего вы хотите? Контр-адмирал Вишневецкий — выступил аппарат беспроволочного телеграфа — „Пожаловать адмиралу к нам. Гарантируем безопасность“ — ответили потемкинцы.

Эскадра хочет прорваться в Одессу. Это ей не удастся. Вид „Потемкина“ вызывает взрыв энтузиазма у матросов всех кораблей. От ударавшей в Севасто-

Похороны жертв царского террора.

поль эскадры отделился броненосец „Георгий Победоносец“, который присоединился к „Потемкину“.

День 18 июня определил исход восстания. На „Георгие Победоносце“ происходит измена и он удирает от „Потемкина“. На нем самом, под влиянием этого события, часть малозоснательных матросов начала колебаться. Решили отправиться в Румынию за углем, который был на исходе. 19 июня отравились воззание:

„Ко всем европейским державам

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин-Таврический“ начала решительную борьбу против самодержавия. Опешающая об этом все европейские правительства, мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плавующим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся.“

Команда эскадренного броненосца „Князь Потемкин Таврический“.

20 июня прибыли в Румынию. Румынское правительство предложило броненосцу сдать, гарантировав повстанцам свободу. А т.к. царское правительство еще раньше обратилось за помощью к румынскому королю и турецкому султану, то „Потемкин“ решал вернуться в Русские воды.

22 июня „Потемкин“ вошел в Феодосийскую гавань. Здесь достали кое-что из необходимого. Здесь же, 23-го, произошла стычка с солдатами. Несколько матросов было убито.

„Потемкин“ не выдержал. Команда изловчилась, истомилась. Испытывая лавровые котлы. Контр революционная агитация исподтишка велась с самого начала. Стало ясно, что восстание обречено на неудачу. Приходится сдаваться. Кому? Только не царскому правительству. И „Потемкин Таврический“ снова возвращается в Румынию. 25 го июня в Констанце матросы покинули корабль и разбрелись по коду.

„Князь Потемкин“ пришел снова в Констанцу и сдался румынским властям. В первый раз после долгого времени

поиграл с офицерами в лаун-теннис“, — отмечено в дневнике Николая II го под субботой 25 июня.

„ПОТЕМКИН“ СДАЛСЯ

ГОРДО РЕВЯЩЕЕ в течение 11-ти дней на вышке самой мощной плавучей крепости паризма красное знамя было снято. Произошло это потому, что не было еще достаточной организованности, беструты и натаски. „Нужно действовать решительно и быстро“, — требовал Ленин у послышавших им для руководства восстанием товарищей. Увы! Несколько моментов было упущено и „Потемкин“ перестал быть „Потемкиным“ — гордостью революции. После сдачи царское правительство смело прекращивать его и переименовывает в „Пантелеймона“.

Но победа самодержавия явилась Пирровой победой — такой, о которой известный полководец говорил: „Еще одна такая победа, — и я останусь без армии“. „Царское правительство оказалось без флота“, — писал 27 июня Вл. Ильич; „самое большее, что ему удалось пока добиться, это удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец „Потемкин“ остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и замечательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии. Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан“.

Ильич был прав. В stance на „Потемкине“ было только началом целого ряда матросских восстаний 1905—06 г.г., началом первой русской революции. „Потемкин“ не погиб. „Тот могучий броненосец, которому суждено освободить Россию, — он жив, он цел, грозной громадой надвигается на врага, злобные сверкают жерла пушек, жаждой боя стограет команда, а высоко в воздухе р достно бысть и трепещет красное знамя свободы“.

„Сим победили!“ (В. Вороский, статья от 10-го июня 1905 г.).

Сим победили в октябре 1917 года. В день 20-ти летия первой русской революции — слава „Потемкину“, слава его героям, вечная память его жертвам!

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

„СМ ЕНЫ“

НА БЫТОВОЙ РАССКАЗ

1. Рассказ должен затрагивать острую бытовую тему из жизни молодежи.
2. Размер рассказа 2—3 страницы „СМ ЕНЫ“.

ПРЕМИИ:

1-я — Полное собрание сочинений В. И. ЛЕНИНА.
2-я — „СМЕНА“ за 1925 год.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ КОНКУРСА
15 АВГУСТА 1925 ГОДА.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

АЛЕКСАНДР БЕЗЫМЕНСКИЙ

Статья Г. ЛЕЛЕВИЧА

стихотворений («О шапке», «Партбилет», «Весенняя преледия», «О валенках» и т. д.).

Безыменский великодушно видит тяглые противоречия современности. Он знает, как не похож на ослепительные задачи мировой революции хотя бы такой лозунг:

„Поросенок,
Вскормленный ячмейкой,
Должен быть
Перешитым поросенком
На селе“.

Видит Безыменский странные и тягелые изгибы революционного пути, вынужденные уступки, тяготы. Он не боится, не замазывает этих противоречий. Наоборот, в последних своих поэмах («Война этажей», «Груз», «О знамени и поросенке») он особенно влпотно подошел к этим противоречиям.

Но они не раскляли его, не сломали не заставили воскликнуть вместе с Колькой Курлецовым:

— „Вот оно что стало нынче с нами,
Жисть не жисть—варшавская клеть.
Взять бы нам утеряное знамя.—
Я бы мог хоть с честью умереть“...

Хоть и знает Безыменский, что в наш переходный период

„Часто
Горе
Едет на моторе,
А радость
На лошалях“,—

ни никогда ноты безнадёжности, отчаяния, разочарования не звучат в его стихах. Где же он черпает уверенность, что каждая наша минута соткана не только из горя, но и из невиданной радости?

„Тот не знает ни горя, ни счастья,
Кто не тонет
В судьбе
Ресх
.....
По-яному
Чувшь мгновенья
Даже в будничной нудной борьбе,
Если жизни любюя
Близье
Эхом звучит
В тебе“.

Да, в этом выход, — не разрывая тесной связи с классом, не отрываясь от запроса борьбы и строительства трудящихся масс, «тони в их судьбе», — и тебе не страшно никакое разочарование.

Безыменский живет одной жизнью с партией, с Ленинским Комсомолом, с рабочим классом. И поэтому он умеет различать в серой, «мелочной» борьбе за жилтоварищество «волну этажей» — страницу великой классовой войны. Поэтому величайшей радостью наполняет его сердце поступок рабочего-комсомольца, демонстративно тратящего свой последний полтинник так, что 45 копеек приходится Моссельпрому и лишь 2 копейки частному торговцу. Поэтому не смущает его, что на пути к новому коммунистическому быту приходится временно, из-за недостатка средств, построить рабочим отдельные домишки и тем замедлить создание этого нового быта.

Уже в «Петре Сиордине», «Комсомолки», «Баррикаде смеха» и др. Безыменский нарисовал множество живых людей современности, множество типов, героических и трусливых, близких и далеких. Позже он присоединил к ним не мало новых фигур. Тут и сломанный ЭПЭ'ом Курлецов, и отдавшийся строительству деревенский комсомолец Федот, и неутомимый уездный парторганизатор Очеп, и измученная сознательная работница Васильева, и прилаженный спец архитектор Кривцов.

Переход от восторженных гимнов к показыванию живой современности поставил перед Безыменским и новые задачи в области художественной формы. Он научился ярко и метко давать отдельные куски жизни, отдельные картины, отдельные типы. Но по-настоящему широко показать современность можно лишь в больших произведениях с «развернутым сюжетом», с цельным, последовательно развивающимся, законченным действием. Безыменский с разных сторон подходит к такому произведению, но еще всецело не овладел им.

В «Комсомолки» он дал много прекрасных отдельных картин. Из отдельных же картин состоят и другие его поэмы. Овладеет развертыванием сюжета — основная ближайшая его задача.

Эти же новые задачи помогают Безыменскому окончательно преодолеть — неизбежное в начале — влияние Маяковского и др. посторонние художественные влияния. Чем более расширяется общественный захват произведений Безыменского, тем успешнее выявляется он от неровности и порывистости стиха, тем более приближается он к классической твердости и четкости.

Безыменский вписал уже не одну славу страницу в историю пролетарской литературы, и мы можем ждать от него новой работы над собой, новых творческих успехов, новых крупных достижений.

РЕКОМЕНДОВАТЬ Безыменского комсомольцам нечего. Они и так его прекрасно знают. Каждому грамотному молодому рабочему известен и близок образ своего поэта, который рассматривает свое творчество лишь как особый вид партийной работы, поэта, который выражает думы и чувства «стальной большевицкой породы». Начав с восторженных боевых гимнов комсомола, Безыменский затем перешел к конкретному показыванию нашей современности.

В превосходной поэме «Комсомолка» он воскресил незабываемые годы гражданской войны с подавлением бандитских восстаний, с мобилизациями на фронт, с голодовкой и пшеном в качестве «вкусной шамовки». Безыменский не забыл эти страдных огненных дней. Он неоднократно вспоминает их в позднейших своих стихах:

„Эх, поминать, как я со смехом
В гурьбе ребят, под гуд гулда,
Бежал в райком, чтобы похвастать
На адмирала Кольчака.
Мне не забыть об этом беге“...

Но эти героические воспоминания о днях «бури и натиска» не заслоняют от Безыменского нашего будничного текущего строительства. Недаром еще в начале 1923 г. он — первый из пролетарских поэтов — провозгласил:

„Только тот наших дней не мельче,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти“.

Тогда же Безыменский показал «революцию за каждой мелочью» в ряде

БОРЬБА С БЕЗВОДЬЕМ

Статья ГЛОБА-МИХАЙЛЕНКО.

В СРЕДИНЕ СССР мы можем летом от дождей. Редкое лето бывает сухим. Но есть земли и в СССР, их не мало, где дожди такая же редкость, как у нас засуха.

Не все засушливые места—песчаные пустыни. Есть много таких, где почва плодороднейшая в мире, которая могла бы прокормить миллионы трудящихся. Да одна беда—на этой почве не бывает ни капли воды, если ее не проведут искусными сооружениями из ближайших источников.

Лучшие оросительные сооружения—пока за границей, и нам следует ознакомиться с тем, что делается там для орошения безводных земель, чтобы заняться тем же у себя в Туркестане и др. местах, страдающих от безводья.

Приведем здесь несколько примеров наиболее знаменитых оросительных сооружений.

В Индии—в 100 милях от Бомбея заканчивается сооружение самой колоссальной плотины в мире, длиною в 1 милю и высотой в 170 футов (18 саженей). Озеро, которое будет замкнуто этой грандиозной стеной будет иметь 18 миль в длину и 46 миль в окружности.

Воды его покроют площадь в 15 кв. миль, при глубине в 143 фута, что является достаточным для орошения 1.000.000 акров (акр=0,37 десятины). Если бы все камни этой плотины уложить в ряд, они охватили бы поясом половину земного шара.

Два канала, длиннее нежели Панамский, будут распределять воду по полям ферм и селений. Благодаря этому сооружению, целая засушливая область, где преобладают с голоду тысячи индусов, превратится в богатый и изобильный край.

В Америке—проводится река через пустыню. В южной части Калифорнии, там, где подножат Скалистые горы почти к побережью, начинается жуткая, безводная пустыня. На сотни, миль тянется она. Изредка попадаются колоды или ямы с водой, к которым жадно бросаются и всадники и кони,

истомленные тяжелым переходом под палящими лучами солнца.

Все выше и выше карабкается в горы эта пустыня. „Безводный путь“—прозвали ее индейцы, и кой-где на скалах гор можно найти грубо высеченные фигуры, вырезанные индейцами сотни лет назад. Они указывают на близость колоды.

Начатый Колорадский канал отведет воду из бурно разливающейся периодически реки Колорадо, подметет воду в гору, пропустит ее через туннель в 60 миль длиною и закончится у города Лос-Анжелос. Это колоссальное сооружение даст жизнь целому мертвому краю и заселит его для культуры.

Это гигантский труд, но он вполне окупится присоединением к обрабатываемой территории целой области, попадающей теперь втуне.

Атлантический внутри бережный водный путь—это длинное название присвоено не менее длинному водному сооружению, связавшему в Америке, по побережью Атлантики, целую серию рек—от города Бостона до Мексиканского залива.

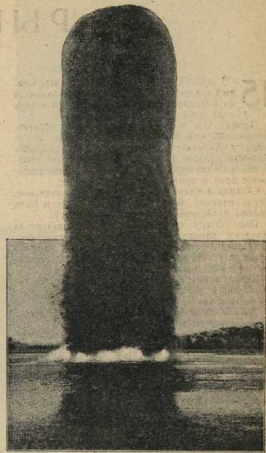
Благодаря этому пути можно преодолеть весь путь от штата Массачусетс до Флориды водно, вдоль побережья океана, без выхода в океан.

Глубина анала 12 футов, и намечено продолжать его далее к северу.

Благодаря этому каналу не только является возможным добавять к транспорту внутри страны целую серию мелких судов, но и расширить оросительную сеть Южных Штатов, богатых хлопком и сахарным тростником.

КАК ЖЕ ПРОИЗВОДЯТСЯ эти работы?

Большую роль играет при этом динамит. Патроны динамита забиваются в землю вдоль намеченной линии на расстоянии 6—10 футов, затем соединения проворами; нажатие кнопки—электрический разряд и столбы дыма, камней, земли летят в воздух, в виде колоссального гейзера или фонтана. Динамит столь же хорошо взрывается и в воде, как и на земле. В этом случае

При устройстве оросительных каналов большую роль играет динамит, устраняя препятствия, в виде скал или других неровностей поверхности.

тонны (61 пуд) воды взлетают на сотни футов в воздух. Работа землекопов упрощена. Динамит раскрывает в ключья скалы и угцы—землекопы равняют и углубляют места, разрыхленные динамитом.

Так инженеры „выровняли“ при помощи динамита русло реки Дьяксон и создали первую сеть ответлений каналов на поля окружающих ферм.

Старое русло безводилось, благодаря каналу были уничтожены „петли“ реки, удлинявшие путь для судов, а вместо старого русла разбросалась сеть каналов оросительной системы.

ПОМИМО КРУПНЫХ оросительных работ, предприимчивые американцы проявляют и личную инициативу в этом деле.

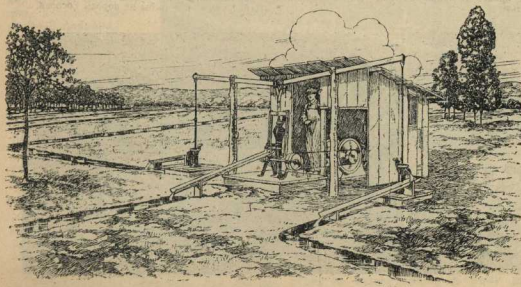
Там, где вода находится не глубже 20 футов под почвой, ирригация (орошение) небольшого участка производится „домашним способом“.

Устанавливается обыкновенный насос и газолитный двигатель, для приведения его в движение. При помощи подводных брусен является возможным включать в цепь еще пару маленьких насосов по бокам.

Один двигатель может свободно привести в движение 3 насоса.

Вода распределяется посредством желобов по канавам, идущим вдоль участка.

Эта установка не требует ни больших расходов, ни специальных инженерных знаний, и многие фермеры в Америке пользуются ею для орошения своих полей и огородов.

Американский „домашний способ“ орошения.

ЗА РЫБОЙ НА КАМЧАТКУ

Очерк В. ТЕПЛУКИНА

15 ГО ИЮНЯ пароход «Эривань», загруженный товарами, лесом и людьми, отправляется из Владивостока в свой очередной в этом году рейс на Северо-ую Камчатку.

Прежде чем пойти к этому северному берегу, пароход должен быть зайти в японские порты Огару и Хакодате для того, чтобы пополнить угольные запасы и нанять дополнительное количество рабочих-японцев, знающих хорошо рыболовное дело и привычных к этой работе.

Стоянка в Хакодате была непродолжительной, оттуда пароход направился в Огару, где и были сделаны последние приготовления к рейсу.

Порт Огару снабжал углем все идущие на Камчатку пароходы. Нам навстречу двигались с целыми толпами людей, покрытых пылью. Баржи с углем, на буксире у пылящего, свистящего и вбивающегося из сил катера.

Утром вдали появились и снова скрылись вширине над морем скалы, покрытые редким лесом,— это была южная оконечность Сахалина.

Теплые течения перешли в вечно холодные воды Охотского моря.

Ясные, солнечные дни сменялись туманами, дождями и иногда снегом. Все чаще проходили надпитан на мостки, пристало вглядываться в даль. Пять дней пароход не видал берегов Кузнецкого моря. Устраивая в это время дождь, вечер, и выпускала стеньгу жюль, а японцы одфури свою собственную спец одежду — дождевик, и плели из расовой соломки лопки.

Наконец, в необыкновенно ясное утро над густым туманом показались скалы, замаскированные чийки, лова оторос в колокошеч под винтом, за кормой, воде, и начали высовываться с одной и другой стороны и я р в я, показывая свои собачьи, окершенные от рыбной пищи, морды.

К полуночи повисал ветер, разорвал и рассеял туман. Перед нашими глазами развернулась панорама скал, покрытых почти вечными снегами, с вечно же белой около берегов полойкой прибой.

Вот и Большерецкий район.

На гальке, как на новой, только что покрытой оидий линейке, разставлены один от другого на равном расстоянии рыбаки. Как будто старшая мать сидит приветливо, вытасывая высоко над двумя группами длинной трубы заводов—один японский, уже выработавший, котла берега, кобальные консервы, другой русский, готовый начать работу с ходом рыбы.

Близко к берегу идти нельзя: мелко. Становится в трех верстах.

На берегу лежки: досчатые, однотипные постройки, крытые железом и соломой, поверх которых наложены рельсы, камни, охраняющие дома от камчатских ветров.

От домов навстречу нам продвигался по берегу десятки людей, одетых по праздничному; крупные, здоровые люди с широкими, смуглыми лицами.

Японцы, быстро отдав катеру буксир, свалены на весла и подходят к берегу, стая кунгас с носом вразрез возле, как лягушки прыгают в полоу прибой, и по посе, по шез в воду выбиваются на берег, вытягивают трюсы оттолкав, тшат скакливо, и мы на берегу. Люди подходят, приветливо здороваются, засматывают вопросы о политическая жизни на материке в Сов-

Передка собак, употребляемая для самых упрямых...

россии, затем приглашают на чашку чая и ставят «старичка», забитую завесного уже сюда японцами.

Кунгас за кунгасом идут к берегу, быстро опоражниваясь от товаров, выгружаемых с парохода. На берегу пылают костры, у которых греются вечно мокрые японцы, жарится рыба, помятая в прюбсе тукэви.

На Камчатке жить, значит рыбки попробовать.

Ветером с трапа парохода ловили простыми столовыми выважины фосфоричную море, идущую сплошной тучей наутро, а на утро линия прибой была не белой, а черной—это шла уй ки, и чем сильнее разгрызалось море, тем чернее была береговая полоса.

Своей гурзой пароход прошесть до осени, замкнув своей сетью по морю, берегам и скалам. Оставшиеся на берегу готовятся к ловле. Улучшают жилые помещения, строят баню, расширяют склад и магазин. Японцы готовят сени. И так на всех советских рыбацких Большерецкого района.

Робота kinetic, а в море один за другим идут на север пароходы, развившие японских рыбопромышленников.

Рыбу ждать не приходится, она начала нати, как только затрещал лед на реке.

В конце июня мы уже видели конец хода трески, разгар—наваги и крабоволовной ловаи, даlee утри и чявчй (корюшеская кета).

В устье реки все больше и больше скопилось икри, по ночам устраивавших концерты, втора голосу мевелдей.

Вода в море и реке становится теплее.

С вхождением на боты и плавках, под парусами и на шестях, с веслами, детьми, собаками и летним скрабом по реке погнались камчадалы на промиссе, окружа рыбаками свои напатаки.

Администрация заключивала договор на славяскую рыбу и получаемые взамен товары.

Наконец, телефон, проведенный в период подготовительных работ по берегу между рыбаками, принес с одной из них, ближе стоящих к устью:

«Поймаю 30.000 горбуши, в 3 час закончим солку, икры много, идут гошцы, рыба мелеет». Последнее говорилось: рабум будет много, ход будет продолжительный.

Через три-четыре дня уже по все реке были слышны русские и японские песни и трудовые крики: и рыбаков, тивуных псовод, и резчиков, вытаскивающих ижиши и выбирающих икру, и за-сопщиков, укладывающих рыбу ровнями рядами и в штабеля.

Показались с пристаней рыбацкой к и к р а н к а м, к ямам для кишек и целым горам японского запаса рыбы.

И так двадцать пять дней люди провозжат солнце за работой—с 4 час. утра и до 11 час. вечера. Русские рыбаки, получая сверхурочные, по коллективному договору и под защитой месткома, а японцы по приказанию с я н д о за 100—120 иен в сезон.

Но соль подходила к концу, норма была выделена: 5.000 шт. кеты, три миллиона горбуши и 4.500 пудов икры.

Стая разбегалась по домам рыбаков, готовить на зиму рыбу для собак и для себя.

А рыба все идет, но уже другой вид—ки жу ч.

У берегов повисла еще больше капалотов и белых дельфинов (вид моржа, но без кляво)—востяки свильных осених штормов.

Пожелтела трава, сонки покрылись снегом, появились олени, размысливая по туаре где элевационный мост над рекой.

На реке, в открытом море стояли десятки пароходов, забирающих с рыбаков консервы, икру и рыбу.

На ижиши промислах тоже готовятся к прибытию пароходов, маршируют пугаче бочата с икрой, укладывая и пакууют рыбу в мешки и ящики, убирают промисла, тщательно закрывающая щели и окна, т. к. зимние бураны вынесут через них илеме здания снгу, слают товар в цинную факторию, заканчивая постройку барака для русских рабочих.

Все готово к отъезду.

После дымка из-за горизонта показывается «мошое матчи, короткая труба и массивный керуус».

Это пришел ожидаемый пароход «Память Ленина».

Грузятся кунгасы икры, летят бочата в трюмы, за ними рыба, а потом люди.

Наконец все готово; как бы прощаясь, спускается кормовой флаг и, завлакая дымом диропадающую в сумрак землю, уходит пароход «Память Ленина» от дальних советских берегов, рвась через осенние штормы в теплые воды Японского моря.

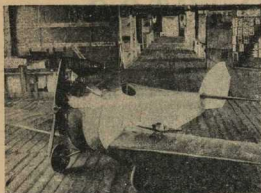
ПЕРЕЧЕНЬ НЕПОЯТНЫХ СЛОВ:

1. «Старичек» — бутылка японского спирту.
2. Нерпа—один из видов тюленя.
3. Кунгас—японская баржа, приспособленная для плавания в открытом море.
4. Ука—один из видов рыбы, пуховой на кильку.
5. Икракя—помещение, где засаливается икра.
6. Кичу—вид рыбы из породы дососей.

Продукта икру убитых осевитных.

Тянут неос с рыбы.

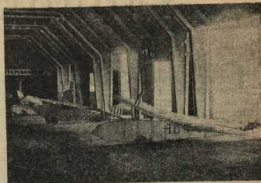

Авиатка системы типа НЕВДАЧИНА.

МОДЕЛЬ, ПЛАНЕР, АВИЭТКА

АВИО ВЫСТАВКА МОДВФ

Очерк Я. ЯКУБОВИЧА, снимки Ф. ЗУБКОВА

Общий вид планерного отдела.

МОДЕЛИЗМ и планеризм это очень молодой, сравнительно, спорт не только у нас в СССР, но и в Европе.

Идея планерного, т.е. безмоторного летания сама по себе имеет почти пятнадцатилетнюю давность, но практически планеризм стал развиваться в самое ближайшее время. Начало практическому применению идеи безмоторного летания положила Германия. По Версальскому договору ей было запрещено поддерживать и развивать авио-промышленность, которая была в цветущем состоянии. Можно закрыть фабрики, заводы, но куда же деть любовь к авио-спорту? И вот стали появляться кружки, общества и объединения авиаторов, которые дружно взялись за работу. Начали ставить мировые рекорды планерного летания.

Нам далеко еще до Германии. Но мы шагаем крупными шагами и скоро сумеем догнать Германию. Это подтверждают цифры, которыми пестрят плакаты авио-выставки, что раскинулась в залах Иностранного Отдела б. Всерос. с.-Хоз. выставки Язык цифр сух, но очень показательен. Сейчас спортивная МОДВФ насчитывает по Москве и Моск. губ. 53 планерных кружка. Каждый из них строит свой планер, а некоторые и по 2-3 планера.

К I-м Всесоюзным испытаниям Москва и Моск. губ. выставила только 8 планеров, ко II-м испытаниям—22, а к III-м испытаниям, что будут этой осенью, число их достигнет 40.

Так медленно и упорно крепнет планерный спорт.

Что касается техники полета, то II Всесоюзные испытания дали уже много опыта для их участников и можно надеяться, что на испытаниях этого года будут достигнуты еще большие успехи, чем в прошлом году.

Некоторые из планеров как новых по работе и конструкции, так и старых

Сам постройл

знакомцев по предыдущим испытаниям, мы встретили в планерном отделе авио-выставки.

Здесь в громадном стеклянном зале, выстроенном в шеринги, стоят, поблескивая свежим лаком новенький, аккуратно сработанный рекордный планер „Красногвардеец“ и старые знакомцы: планера АБФ—10, МВТУ, БИЧ—11,

слишком легкомысленно, считая это детской забавой.

Мы твердо помним, что „от моделизма через планеризм—путь к самолету“.

Пионеры и комсомольцы в своих модельных кружках, дела сотни, тысячи моделей учатся на их полетах законам авиации и ставят новые рекорды, побивая Европу.

Большинство из выставленных моделей работоспособны, т.е. могут взмываться и летать по воздуху.

Обращает внимание модель самолета с электромотором в $\frac{1}{16}$ лошадиной силы, которая заставляет работать пропеллер и описывать самолет круги под потолком (самолет прикреплен к подвижной штанге ввинченной в потолок). Эту модель соорудил кружок.

Ассоциация натуралистов выставила модели металл. дирижабля К. Э. Циолковского.

Курсы простейшего авио-спорта МОДВФ на ряду с работами своих мастеровских выставили громадный шар монгольфьер, сделанный из папиросной бумаги.

И в самой глубине зала, приоткрылся „Буревестник“—авиетка (воздушная мотоциклетка) системы инженера Невдачина построенная в мастерских Красно-Перенского ОДВФ.

Она не велика: размах крыльев равен $3\frac{1}{2}$ метр, весит она 150 кило. Мотор мощностью только в 11 л. сил, но пролетать она будет в час 150 кило и расстояние от Москвы до Ленинграда сможет покрыть в 4 часа.

Подобные же авиетки строят еще 7 кружков МОДВФ.

АВФ—5, „Мастяжарт“, АВФ—17, „Одна ночь“ и ржордкий планер „Москвич“.

Моделизм, пожалуй, имеет большую давность, чем планеризм, но в таком большом размере, в каком он процветает в СССР, он ни в одной из стран света не существовал. К нему всегда относились или слишком серьезно, или

Это очень большое завоевание русского авио-спорта, т.к. авиетки строятся не на заводах „спецами“, а работают „любителями“ членами ОДВФ в свободное от работы время.

Авио-выставка достигла своей цели. Она показала наши достижения в авио-деле во весь их рост.

Общий вид модельного отдела

ХЛОПОК И ХЛОПКОВОДСТВО

Очерк В. ЯКУБОВИЧА

НАСТУПИЛО жаркое лето. Дня становится жарче и жарче. Меняются теплые шерстяные одежды на более легкие, сделанные из хлопчатобумажных тканей и пополати.

Из чего же делаются эти хлопчатобумажные ткани?

В Китае, 1500 лет тому назад заметили, что одно растение имеет его семена и пылящие длинные волоски, из них легко можно изготовлять ткань, очень легкую и прочную.

Тогда это растение — хлопок стали разводить.

Иностранцы, узнав о полезных качествах хлопчатника, стали вывозить его семена и пылящие хлопчатник у себя на родине. Так он из Китая пошел в Индию, Персию, Египет, Туркестан, Америку и всюду хорошо приживался, где было достаточно солнца и влаги.

Особенно хорошо хлопчатник произрастает в тропических и близких к тропикам странах.

Кроме тепла и света, он требует еще хорошей почвы и, как сказано выше, достаточное количество влаги.

Хлопчатник — растение однолетнее; посеянный в конце марта, он зацветает в начале июня. В половине октября он уже созревает и его начинают собирать. В некоторых странах сбор хлопка производится 2—3 раза в год.

Почти всегда за сбором хлопка поступают в хлопководческие заводы, где волокна отделяются при помощи особых машин от семян.

Очищенный хлопок прессуется в кипы прессом, под давлением до 180 000 пуд.

Кипы стягиваются потом железными обручами.

Спрессованный под громадным давлением хлопок — 1) занимает мало места, 2) не портится и не распространяет во время частых перегрузок и 3) плохо загорается.

Лучшие сорта хлопка имеют блеск, нежность и шелковистость. Цвет хлопка — белый с красноватым оттенком. Длина волоска равна от 12 до 60 миллиметров. Тонкость волокна, различающаяся только в микроскоп, равна от 1/150 до 1/30 мм.

В микроскоп можно разглядеть, что волокно хлопка представляет из себя сплюснутую трубочку с очень тонкими стенками.

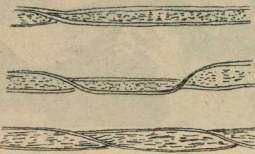
Существует много сортов хлопка, из них наши туркестанские одни из самых лучших, особенно если они выведены из американских семян.

Самым лучшим хлопком в мире считается американский хлопковый сорт «Син-Анан».

В СССР с 1917 по 1921 г. пользовались только туркестанским, хивинским и бухарским хлопком. С 1921 г. мы стали закупать в Ливерпуле и Гаи

Караван с хлопком в Туркестане.

Волокна хлопка.

бурге американский хлопок. Это создавало большие расходы, т. к. хлопок поступал к нам через вторые руки от английских и германских фирм. Тогда покойный председатель Север. Текстильного Синдиката — Т. Ногин, поехав в 1924 г. в Америку, закупил непосредственно от американских фирм 2 000 000 пуд. хлопка, и с тех пор хлопок получается нами из первых рук. Это повысило его стоимость, и на 1925 г. закуплено его заграничной около 5 000 000 пудов.

Теперь под хлопок заняты миллионы десятин. Причины, благодаря которым так разрослось хлопководство и хлопчатобумажное производство, нужно искать в том, что 1) хлопок легко приспособляется к условиям почвы, 2) волокно хлопка получается в готовом виде на хлопчатнике, 3) простота и легкость сбора и вымывания хлопка из корзины хлопчатника и 4) вселенствие небольшой длины волокна, обработка его легка.

Относительно легкой приспособляемости хлопка, можно указать, как на пример, на культивирование его в «Голодной степи», в Сыр-Дарьинской области Туркестана (теперь Киргесстанина).

Прядильная фабрика в Самарканде.

Хлопковые плантации в Туркестане.

Степь эта давно представляла из себя безобразную картину «сухого моря» — безжизненную, опаленную солнцем, желтовато-серую от засохшей травы, на фоне которой попадались солонцы, да изредка виднелись кусты степных растений.

Но как только было проведено орошение, вырыты оросительные каналы и пруды, — эта безобразная «голодная» степь превратилась, правда, на нескольких своих участках, в существующий сад Почва, орошенная водой, оказалась жирной и удобной для посева всевозможных растений и хлопков. Посевы хлопка дали благоприятные урожаи: 80—100 пуд с десятины.

Посеянный стал культивировать скороспелые сорта и теперь хлопководство является чуть ли не основным занятием населения «Голодной степи», т. к. он, требуя небольшой обработки, дает богатые урожаи.

Любопытно, что хлопчатобумажная промышленность — сравнительно молодая промышленность у нас в России.

Впервые хлопок появился в России в 1814 г. Ткань работала кустарями-крестьянами на ручных ткацких станках. Пряжу раздавали купцы, закупавшие ее за-границей.

С 1814 по 1824 г. обрабатывалось в среднем каждый год до 200 000 пуд. пряжи.

В 1805 г. русское правительство построило близ Петербурга «Александровскую Мануфактуру», в которой были пущены впервые прядильные машины.

В 1824 г. были открыты 2 частных фабрики: 1) Раменкина в Петербурге и 2) графа Понятева в с. Константиновском, в Московск. губернии.

Развитие хлопчатобумажной промышленности задерживалось еще благодаря тому, что прядильные машины строились только в Англии, которая до 1824 г. под страхом смертной казни, запретила их вывоз в другие страны. Это запрещение было снято в 1824 г., и после этого хлопчатобумажное производство в России стало быстро развиваться.

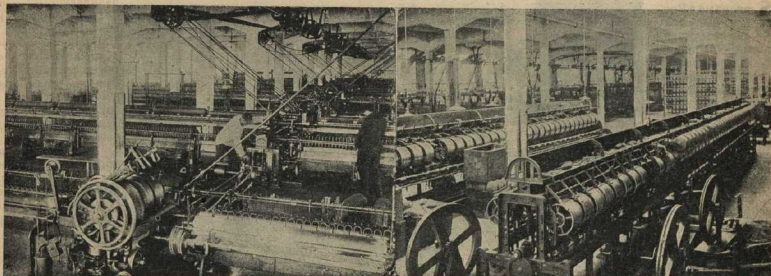
В 1843 г. в России было уже 40 фабрик с 350 000 веретен, а в 1853 г. — работало уже 1 000 000 веретен.

А теперь, за первую половину 1924—25 г. выработано 84 925 тонн пряжи ¹⁾ и 702 000 000 мертов готового товара.

¹⁾ Тонна — около 61 пуд.

ХЛОПЧАТОБУМАЖНАЯ ФАБРИКА

Очерк В. Я.

П РАДИЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: Соельфактора.

МОТАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: Общий вид.

ПЕРВОЕ, что бросается в глаза во дворе фабрики, это беспрерывное движение вагонов, подвозящих кипы хлопка к сортировочному отделению. Здесь кипы распаковываются, их очищают от грязных комочков, крайков* и подочных частей, кипы разбираются и кпорочилательную или кипорайлательную машину, где хлопок разрыхляется.

Разрыхленный хлопок обыкновенно подвергается смешиванию. При этом смешиваются различные сорта, идущие для выработки разных сортов пряжи (так наз. номеров пряжи). При сортировке обращают внимание уже на однородность воюка, ибо от качества воюка зависит достоинство пряжи. Из сортировочного отделения хлопок передается особыми экспортерами в трельное отделение, где его пропускают через целый ряд трельных машин, цель которых, опять таки, разрыхлить хлопок еще больше, выдуть тяжелые сорные примеси (настоки, скорлупу корочек, песок, пыль, и т. п.), оставшиеся от предыдущих очисток.

Хлопок, поступающий из кипорайлательных машин, представляет собой бесформенную массу. Прояд машины, т. е. пегатар и эксгауст-опер, он является уже очищенным для дальнейшей переработки.

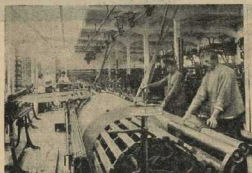
Во время очистки хлопка выделяется много пыли и мелких подсок, все это покрывается вентилятором направляется через трубы в особую пыльную камеру, находящуюся под трельными помещениями.

С трельных машин хлопковый «долст» поступает в чесальные отделения, которые служат для распушения и распределения волокон параллельно друг другу и для окончательного удаления сорных частей, оставшихся от трельки. С этой машины хлопок поступает уже и вде лемты. Для уточнения, выравнивания лемты и выравнивания волокон, ее пропускают через ленточные машины.

Следующая по порядку работа имеет целью выгибание.

Вследствие чрезвычайной нежности лемты, дальнейшее уточнение ее так ослабляет ее, что последующая обработка ее становится невозможной. Поэтому лемту надо сделать прочнее и затем наматывать на катушки или шпули. Все эту работу выполняет толстая банкаброши, дающая толстую, ровную по всей длине нить, называемую «ровницей». Все банкаброши одяваково устроены, но с различными скоростями. Так, веретена в толстом банкаброше делают около 500 оборотов в минуту, в среднем около 800, а в тонком около 1200 оборотов.

На этом заканчивается работа подготовки и начинается процесс при де лемты. Пряжа разделяется на основную и уточную нити, с более основательной круткой идет на продольные нити тканей, а вторая— более слабая— на поперечные. Основная пряжа работает преимущественно

Спальная машина.

на ватер-машинах, а уточная на машинах, называемых сальфакторами или львоа-машинками.

Ватерное прядение более медленное и быстрое, и тут одновременно нить вытягивается, крутится и наматывается на шпулю, а в сальфакторе нить сначала спрядется, а потом наматывается на веретено.

Пряжа с сальфактора прямо идет в ткацкое отделение в виде утка.

Основная, т. е. ватерная пряжа сматывается со шпулей на мотальных машинах на большие спальные катушки, которые ставятся на рамы спальной машины.

Цель спальной машины, это—нить на барабан, т. е. «навоить», возможно длиннее нити и расположить их параллельно друг другу.

Эти нити и будут продольные нити будущей ткани. Так как эта основа в дальнейшем будет

натянута на ткацком стане, то ей нужно придать упругость и большую крепость, поэтому основу пропускают через шпиктовальную машину, где она пропитывается в горячем виде особым химическим составом и после просушки на той же машине поддается на ткацкий станок.

Шпиктовальная машина снабжена резервуаром, в котором налит шикст, т. е. особый химический состав.

Нити основы, свивающиеся со спальными нитями, погружаются в резервуар, затем сильно отжимаются между цилиндров, просушиваются над нагретым паром барабаном или между горячими трубами и наматываются, наконец, на ткацкий навой, который укрепляется на ткацком стане.

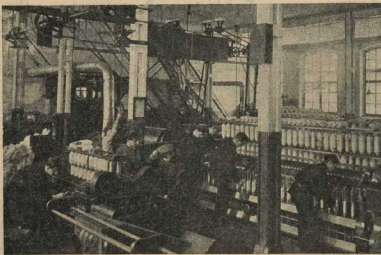
Работа ткацкого отдела заключается в превращении пряжи в ткань. Главной работой здесь является ткание на ткацких станках.

Нити основы, наматываемые на вал станка, свиваются с него и идут в виде полотна. Каждая из нитей в отдельности приобретает «продетя» через «галмо» или «галзок» (петельку), привязанную к планкам рамки, называемой ремизкой. Планка эта может подниматься и опускаться. При подеме ремотора (хотя бы одной) ремизок и при опускании остальных—одни нити поднимаются, другие опускаются. Между нитями тогда образуется пустое место, называемое зевом. В зев протрачивается челнок со шпалью (нагушная игла). Нить сматывается со шпули, остается в зеве и располагается сверху одних и снизу других основных нитей. Затем ремизка приходит в первоначальное положение и нити основы снова удаляются в одну плоскость. Тогда поднимается гребень (берто), заключенный в особую кассетную раму (баттле), который прокинутой уточной нить к раньше положенным уточным нитям, и получается узкая полоска ткани. Образованная ткань, постепенно наматывается на вал (наборный или товарный навой).

Принятая от ткача ткань идет в браковочное отделение направляемая или в красильное отделение, где подвергается окраске, или же (обыкновенно) в баз, моталь и др. материю иных сортов) поступает на измерительно-складочные машины, которые механически замеряют и складывают готовые ткани.

Сложенные куски складывают в кипы и отправляются в пакеты готового товара фабрики, откуда поступают в магазины для продажи.

Так из межлого воюка после долгих переработок его получается прочная материя, или выработка которой заняты многие миллионы рабочих и ради которой многие, многие мильоны десятков лет в тех частях земного шара заняты под прессом это чистая

П РАДИЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: На первом плане слева— ватерная машина, а вправо— банкаброши.

СТАЛЬНОЙ КОНЬ

Очерк Б. ГРОМОВА

В 1880 ГОДУ впервые в России был введен велосипед, который произвел целую „революцию“ в так наз. „общественном мнении“.

Велосипед был встречен в России недоброжелательно.

Происходила форменная травля велосипедистов: их ловили с целью избиения, кидали в них камнями, палками и т. д.

Администрации городов издавались постановления, ограничивающие права велосипедистов. Например, первоначально была разрешена езда лишь от 4—8 час. утра, по загородным улицам (вне черты Садовой в Москве). Но и для этого никто было выдерживать экзамен при городском управлении, при чем он „производился“ таким образом, что $\frac{1}{4}$ —проваливались, а с ними, зачастую и известные гонимки, специалисты по велосипеду.

Нало было „спасть“ велосипед, тем более, что популярность и симпатию он завоевывал себе с каждым годом. Началась агитация, показательные поездки, выступления в печати.

Наконец, велосипед пробил себе дорогу и завоевал права гражданства.

В настоящее время велосипед не только забава, не только развлечение, а и одно из средств передвижения. В области связи города с деревней, велосипед, как средство передвижения, может тоже сыграть некоторую немалую роль.

На этот факт профсоюзам обращено внимание.

Одним из застрельщиков этого дела является профсоюз спортсменов и Московский Автомобильный клуб при нем.

Эти организации были продлены опыты массовых поездок в деревню, при чем участие принимало в общей сложности до 5000 человек (велосипедисты, мотоциклы с колясками, автомобили легковые и грузовые с членами союза).

Эти опыты давали самый положительный результат. Крестьянство с восторгом встречало экскурсантов и собиралось массами из окрестных деревень.

Тут же проводилась некоторая культурная работа, а затем катание крестьян на машинах.

К организации подобного рода экскурсий следует отнестись с большим вниманием. Ведь, велосипед позволяет забраться вглубь страны, в сторону от железной дороги,

ВЛО-ГОНКИ. Проходит первый круг.

в места, мало посещаемые, плохо связанные с центром.

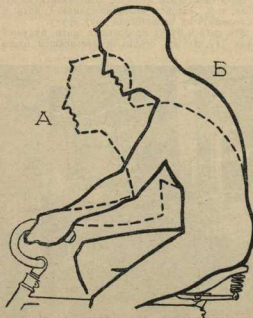
***

Мы различаем несколько видов велосипедов: мужские, женские, дорожные, гонимки, tandems (двухместные) и т. д., отличающиеся друг от друга конструкцией, формой, весом и проч.

Нас интересует лишь обыкновенный дорожный велосипед для туризма и повседневных прогулок. В дальнейшем, при описании мы будем говорить лишь про эту систему.

Этот тип наиболее удобен в частом пользовании им, как в средстве передвижения. Он прочен, со свободным ходом, ручным и ножным тормозом.

Несмотря на совершенство современного велосипеда, выбор машины для

А—неправильное положение при езде.
Б—правильное.

начинающего является одним из важных вопросов.

Большинство введенных за последнее время машин оказываются, в условиях наших шоссейных и грунтовых дорог, совершенно непригодными.

При покупке не обращайте внимания на яркие рекламы фабрикантов о достигнутых результатах на вело, их марку.

Самое лучшее — это обратиться за советом и помощью к опытному товарищу, старому велосипедисту.

Лучше купите у государственной или частной известной фабрики, нежели в маленькой мастерской. Последние, за отсутствием средств и опыта, конечно, не смогут выпустить хорошей машины, отвечающей всем последним техническим требованиям.

Стремясь выгадать в дешевой визне — рискуешь прогадать на качестве. Не увлекайся большой легкостью велосипеда, т. к. облегчая его общий вес, мы теряем на прочности, устойчивости и уругости. Между тем, эти качества — наиболее ценные.

Машина должна быть прочной, т. к. вес ездока при толчке увеличивается в 2—3 раза.

Упругость и устойчивость — важны во время работы, т. к. предохраняют от перелома каретки и прогиба рамы и вилки.

Между тем, теоретически установлено, что вес велосипеда в общем незнательно влияет на легкость хода, и это влияние уменьшается с увеличением скорости.

При хорошем состоянии пути и среднем весе ездока, вес машины должен быть не менее 33 фунтов.

Машина должна отвечать следующим основным техническим требованиям: быть сделанной из лучших, и хорошо обработанных материалов, иметь все металлические части хорошей закалки, иметь трущиеся части математически пригнанными, и хорошо защищенными от пыли и грязи, иметь раму хорошо паянную и не кривую.

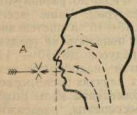
Велосипед состоит из следующих главных частей: рамы, двух колес, двух пневматиков (шин и камер), перелачи, седла и руля. Рама — это основная часть машины, связывающая и скрепляющая остальные части.

Две трубы рамы соединяются внизу кареткой, в которой помещаются ось и подшипники передней шестерни передка.

Выбор высоты рамы всецело зависит от роста ездока. Обыкновенные размеры: для взрослого роста—20—21 дюйм, среднего—2—23 дм., высокого—24—25 дм., для женщин—18—20 дм., детей—16—18 дм.

Передняя вилка состоит из коронки, от которой идут вниз трубы, изогнутые вперед и вверх. Нижние концы труб имеют прорези для укрепления колеса. Вилка должна быть особенно прочной, т. к. на ее долю приходится большая масса сопротивлений толчкам и т. д. Колесо состоит из втулки, спиц и обода. Втулки заднего колеса вают: без свободного и со свободным ходом и тормозом. Шестерен со свободным ходом имеется несколько типов. Наиболее распространенный, это зубчатка с защелками. Для смазки втулок со свободным ходом, рекомендуются веретенное и костяное масло.

Спицы изготавливаются из стальной проволоки толщиной от 1/16 до 2 м.м. Спица имеет с одного конца утолщенную головку для сцепления с краями втулки, и с другого—утолщение с винтовой нарезкой для укрепления в обode и натяжки. В переднем колесе 32—36 спиц, в заднем—36—40. Спицы делают колесо упругим и вполне выдерживают нагрузку. При испытании спиц—лучшие сорта выдерживали груз до 230 килограмм.—13 пуд. каждая.

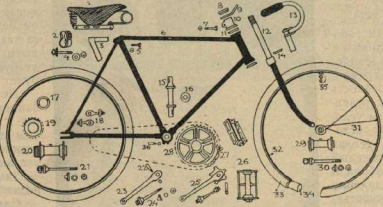

А. Схемa дыхания при неправильном положении головы.

Обод представляет собою обруч с углублениями по окружности шин. Колеса должны быть возможно легкими. Для дорожных поездов обода вают металлические. Диаметр колеса—преимущественно—28 дюймов, с меньшим диаметром—колеса мало пригодны для дорог в виду сильной тряски.

Камера представляет замкнутую трубку из мягкой резины, нагнетаемую через вентиль воздухом. Покрышки вают двух родов: с проволокой и с мягким бортом, и имеют целью защищать камеру от проколов и порезов.

Для сохранения велосипедной резины не следует оставлять пневматик на продолжительное время без воздуха; не следует оставлять велосипед на солнце, без пелки и т. д., нужно охранять от попадания на резину кислот, жиров и масел, разрушающих ее.

1. Седло. 2. Замок для седла. 3. Седельный крок. 4. Болт для крепления седла. 5. Болт для крепления седельного крока к раме. 6. Педаль. 7. Болт рулевой колонки. 8. Конторайка. 9. Формы крок. 10. Колпачок рулевой. 11. Вилка воловчатая чашка. 12. Передняя вилка. 13. Руль. 14. Нижняя воловчатая чашка. 15. Ось каретки. 16. Чашка каретки. 17. Конторайка задний втулки. 18. Нижняя для цепи с вилками. 19. Задняя малая шестерня. 20. Задняя втулка. 21. Задний вал. 22. Педальная ось с вилкой и конусом. 23. Килька для втулок с вилками. 24. Педальная ось с вилкой, шайбой и конусом (левая). 25. Правый шатунок. 26. Педаль. 27. Цепь. 28. Средняя большая шестерня. 29. Передняя втулка. 30. Передняя ось с вилкой, шайбой и конусом. 31. Спицы. 32. Обод. 33. Покрышка. 34. Камера. 35. Вентиль. 36. Болты для крепления чашек.

Шина не должна быть чересур сильно накачена. Следует помнить, что в жаркую погоду воздух в пневматике имеет свойство расширяться, и в холодную—сжиматься. Об этом необходимо помнить. Чтобы узнать качество резины, нужно провести по ней ногтем: хорошая резина будет только вдавливаться, между тем, как плохая, содержащая много песка и других примесей, рваться, крошиться и т. д. Механизм передачи состоит из двух шестерен (передней и задней), при чем одна из них (передняя) много больше другой, двух шатунов, двух педелей и цепи.

Для женщин шири шатунов в 6—6 1/2 дм., мужчин—6 1/2—6 3/4 дм. Никогда не следует натягивать цепь туго. Она должна при легком давлении иметь провес около 1/2 дм., но не более.

Для ежедневной езды рекомендуется передача 72—78.

Седло должно быть достаточной ширины и обладать эластичностью, предохранять от тряски. Дорожный руль имеет форму прямую или изогнутую вверх, дабы дать ездоку более удобную посадку, менее утомляющую во время больших поездов. Ручки должны быть пробковые или войлочные но не гуттаперчевые, т. к. при них происходит сильное потение рук.

Одежда и обувь велосипедиста играют огромную роль. Одежда должна предохранять от простуды и быстрого охлаждения, но в то же время не затруднять движения; удобнее всего фуфайки из легкого трико с длинными рукавами,

предохраняющими тело от повреждений при падении; на ноги одеть трусики и легкую обувь, с достаточно толстой подошвой.

Хорошее состояние велосипеда зависит от умелого обращения и ухода за ним. Машина должна содержаться в чистоте и исправности. За всеми гайками нужно следить, и при малейшем ослаблении, подтягивать их; трущиеся части смазывать и следить, чтобы машина на холоду не произвела никакого шума (последнее означает, что какая-либо часть неисправна).

Обучающийся езде должен прежде всего усвоить следующие основные правила: при езде никогда не следует смотреть на педали или под переднее колесо. Держать руль свободно, без напряжения, которое совсем лишне при управлении. Ступни ноги и колени не разворачивать, а держи параллельно раме; ноги работай плавно, без толчков. Чем быстрее езда, тем больше устойчивости.

Для обучения следует выбрать площадку с гладкой поверхностью, желательно небольшим уклоном в одну сторону.

Успешность обучения зависит от ловкости и смелости обучающегося. Прежде всего следует научиться ходить с вело, ведя его за руль, а затем за седло, что даст возможность усвоить практически, как выравнивать его. Вторым упражнением будет езда на машине без педелей. Обучаемый садится на седло, делает ногами несколько толчков от земли, подтягивает ноги и катится по инерции, усваивая управление рулем. После этого можно уже пробовать нормальную езде, лучше, если при помощи руководства и поддержки товарища.

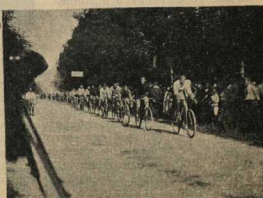
Следует лишь сказать, что нет такого здорового человека, который при желании не мог бы научиться в тот или иной срок велосипедной езде.

Вот в кратких чертах основы велосипедного спорта, которому предстает у нас громадная будущность. Молодежь—на стального коня!

НА СТАРТЕ: Приветовили

КОНКУРС «СМЕНА»
на
БЫТОВОЙ РАССКАЗ
ввиду слабого поступления рассказов
на конкурс
ПРОДЛЕН
ДО 15 АВГУСТА с г.
Условия конкурса см. на стр. 13.

Парад велосипедистов.

ГРАНИЦЫ ЗАКАЛИВАНИЯ

Вал. МУРАЛЕВИЧ, снимки Ф. ЗУБКОВА

ЧТО ТАКОЕ ЗАКАЛИВАНИЕ? Под закаливанием понимается обычно постепенное приучение организма к перенесению холода и резких колебаний температуры. Гораздо реже говорят о закаливании по отношению к пище. Мы поэтому и будем говорить только о первом роде закаливания. Кстати сказать, для начала его сейчас наступает самое благоприятное время.

В значительнейшей мере потребность в закаливании рождается только с развитием культуры, с возникновением условий жизни слишком далеких от естественных, природных. Слишком теплая и нецелесообразная одежда, тяжелый труд в закрытых помещениях фабрик и заводов, сплошь и рядом стражающих чрезмерным перегреванием и влажностью своего спертато воздуха, — приводят в конце концов к тому, что кожа или, вернее, ее кровеносные сосуды отвыкают от необходимых для нее меняющихся температурных раздражений. Малейшее непривычное охлаждение ведет уже к неправильному распределению крови и, в зависимости от него, к простуде. Задачей закаливания и будет такое повышение устойчивости организма, чтобы его сосуды возвратили себе утраченную способность достаточно быстро и достаточно сильно отвечать на внешние раздражения. Способность к закаливанию основывается на общем всему живому значении упражнения. При работе к работающему органу, работающей ткани приливает больше крови с ее питательными веществами, больше уносится отработанных отбросов, весь обмен веществ в ней повышается и она усиленно развивается, как хорошо поливаемое растение. То же происходит и с кровеносными сосудами — артериями. Но тут дело уже не в одной мускульной ткани, а еще больше, пожалуй, в нервной системе, управляющей ее деятельностью. Хотя пути воздействия упражнения на нее и гораздо сложнее, все же сущность его остается такая же. Пуская каждый вспомнит, как медленно и неловко выводил он свои первые буквы, и как твердо, быстро и уверенно пишет он их теперь. Приступающему к закаливанию будет интересно проследить, с какой скоростью и силой краснеет его кожа под влиянием холодной воды в начале упражнения и в конце их. Отсюда благотворное действие закаливания не только на повышение сопротивляемости, но и вообще на нервную систему.

Однако, для способности к закаливанию необходимы определенные условия. Там, где мускулы изменены болезнью, там, где стенки сосудов попорчены, где повреждения нервной системы слишком глубоки и серьезны, — достичь успеха нельзя. Такие неблагоприятные условия в молодом возрасте встречаются, однако, не так часто; гораздо чаще мешает другое — какое-нибудь скрытое заболевание,

Тем, у кого слабое сердце или затронуты легкие, необходимы особые указания от врача.

чаще всего туберкулез, которое делает организм настолько чувствительным, что при малейшем необычном раздражении и получается обострение. Некоторое закаливание возможно и здесь, но практически оно настолько затруднительно и рискованно, что приступать к нему без специальных указаний и врачебного наблюдения рекомендовать нельзя. Зато при правильном проведении его могут получиться буквально чудеса. Здесь очень благодарное поприще для врачебного воздействия в домах отдыха, санаториях и т. п., и здесь-то очень ярко выступает зависимость успеха в закаливании от условий его. Такая зависимость далеко не так ясна в других случаях, и поэтому получается впечатление, что закаливание — вещь возможная всегда и везде. Между тем, для него существуют не только определенные условия,

Спортивные кружки в Германии проводят целый цикл упражнений, принимая одновременно воздушные ванны.

но и определенные границы, в одних случаях — достаточно широкие, в других — очень узкие. Просто говоря, это означает то, что один через две-три недели сможет купаться в ридниковой воде, сможет безнаказанно вымокнуть под дождем и обсохнуть на вольном воздухе, а другой к концу лета только без насморка сможет пройти босиком по холодному полу, да не всегда

простудится, попав под небольшой сквозняк. Это надо твердо помнить и не равнять всех под одну мерку. В последнем случае главное — это постепенность и настойчивость. В конце концов не за одно лето, может быть даже не за два, но удастся достичь гораздо большего, и, с другой стороны, оно никогда не будет достигнуто, если закаливание будет проводиться по одному образцу.

После чрезмерного увлечения закаливанием, обычно наступает тоже чрезмерное и неосознательное оставание к нему. Тем у кого слабое сердце или затронуты легкие необходимо получить особые указания от врача.

Закаливание достигается различными воздействиями воздуха и воды.

Самый нежный и мягкий способ, но дающий огромные результаты — это воздушные ванны, о которых мы уже говорили в нашем журнале — обнажение тела на воздухе при отсутствии ветра и температуре не ниже 16°. Вначале — на 10—15 минут, потом на более и более продолжительный срок, при небольшом ветре, и выносливость к прохладной температуре и сопротивляемость организма заметно повышаются.

Спортивные кружки в Германии проводят целый цикл упражнений, принимая одновременно "воздушные ванны". Но одного воздуха мало необходима и вода. Вода теплая никаким закаливающим действием не обладает, она служит исключительно для обмывания. Вода же холодная обладает слишком сильным действием и приходится подписывать что-то среднее. Именно подыскивать, т. е. разные люди очень по разному относятся к температурам. Чаще всего можно начинать с 15—16° и постепенно через два — три дня понижать на градус, дойдя градусов до 10 — 11.

Ниже ити надобности нет. В других случаях после первого же применения воды получается бессонница, раздражительность. Тогда надо начать с 18—19° и вниз идти медленно. Иногда не удастся дойти до 11°; за этой величиной не злечем и гнаться, можно остановиться на 12 — 13°. Конечно, без градусника тут не обойтись. Когда все идет правильно, кожа слегка краснеет, разогрется и испытывается приятное, бодрящее ощущение.

В противоположном случае первое ощущение холода не проходит, и все время чувствуется неприятное пощипывание. Важно такие обмывания не прерывать ни в какую погоду, разве перенос их в закрытое помещение при наступлении нестерпимости. Само собою разумеется, закаливание несовместимо с купанием. Одежда должна быть легкой, всякие теплые платки и шарфы должны быть изгнаны, так как они только способствуют простуде. Но и здесь должна быть мера. Зимой безнаказанно бегать без верхней одежды может быть доступно не всем, и это проходит часто лишь до поры, до времени.

ВЕСЕННЕЕ

ОКТАБРЬ

НАШИ БОЕВЫЕ ДНИ

РЕКА НАБУХЛА у насемистого пруда, и когда начинают бежать через пруд маленькие ручейки, начинается своя весенняя речная жизнь. Кучи ребят собираются к этим ручейкам и все, что не может еще сделать для своего выхода недостаточно поднывавшая река, делают за нее ребятами. «Ты» ближних огородов разбирается на предмет орудий производства, для раскапывания ручьев и, под ругань гусавого Игнатия Митрича, хозяйня огорода, ребята работают во всю. Через час реки не узнать, она превратилась в бующий водопад, смыва все названные кучи, которых накопилось за зиму изрядно.

Откуда появились спички, перелогия друг друга тащат ребята сваленную вблизи проशीдого солому, зажали, столкнули в течение; пошла пылающая солома вертеться под разногласий хор пускаящихся:

— Т-т-у-у-у...

ревет они, будто это пароход по реке идет.

Вечером река покрыта сплошной легкой таких «пароходов», беспрерывно пускаемых один за другим. И долго в тишине ночи раздается многоголосое:

— Т-т-у-у-у...

РЕКА ВСКРЫВАЕТСЯ, насаживает льдину на льдину. У пруда вода немного спадает и на берегах кучи тины и различного мусора. По льдинам, с риском окупнуться в ледяную воду, лезят ребята, маленькие и большие, тщательно разбирая каждый кусочек тины. Они ищут «бокби». Даже «женатики», которм нечего делать, ходят по целым дням по льдинам за этими «бокбами».

«Бокб» это—белый, сладкий, похожий на боб, клубень какого-то речного растения, которых целыми тысячами приносит с тиною на льдинах. И с утра до вечера копаются здесь детвора, набивая «бокбами» свои карманы и рукавицы.

НО ВОТ, ДНИ стали веселее. Нет больше качелей, устарела река; на прогалинах нет играющих в мяч или в орлянку. Все село готовится к посеву. В каждом дворе все чинится и готовится в поле. В воскресенье на выгоне шум молодежный, начинается летний сезон улицы: начинаются летние игры. Натосковавшись за зиму на душных ве-

Походкой твердою и мерной
По Ленинским стальным путем,
Шагает несущий, первый
Рабочий Мировой Октябрь.

И знамя красное полыхает
Бродяга-ветер в синеве;
И стовеп под ногами площадь, —
Эй, эй, держи, браток, левей!

Сегодня день для нас осенний,
Кто говорит нам про печаль,
Весь в каждак поперек Левани
И в ком-омольцах, — в нашей смене,
Лино живного Ильяча.

И кто из нас, братья, не слышит,
Как бьют на пять материков
Из небагных багнянских вышек
Фонтаны огненных веков.

А. Ситковский.

черках и морозной улице, много ребят бродят по полям и болотам, разыскивая утинные яйца, по пути разоряя сов, сорок и грачей. Эта дикая забава губит много полезных птиц.

Грачиная роща—срасота всего села. Зайдешь—оглушительное карканье хозяев, и на каждой березе 5—6 гнезд. Хищникам тут пожива. Ловко они взбираются на толстые, сукотатые березы, долезают до гнезда и, под оглушительный крик родителей, забирают в карман теплые зеленатовые яйца. Вижу ждущего: «много?»—кричат залезшему.

«Штук пятнадцать» — отвечает тот. Спуск с яйцами предоставляет опасный момент и требует особой уместости: сучья цепляются и бьют по карманам. Поцупаает парень—мокро. «Эй, личинку сделал»,—кричит визит и бросает разбитые яйца; целые кладет в шапку, а шапку в зубы—так безопаснее для яиц.

С сотню разорат и поделят; тут же разобьют несколько штук об березы, пробую свою меткость, а потом начнут лепить друг в друга, или придут на выгон, влепят комунибудь из парней в нащипанные сапоги, а девке в новый пулошодок или «марьяк» (особого рода весеннее пальто). Так забавляется деревенская молодежь весной.

Солнце греет еще ласковее. Зазеленела травка. Миллиарды подснежников и мелдунок выперли из земли. Деревья зацвела, в домах навалены цветы, на окнах букеты, картузы у парней усыяны сплошным бисером цветов. Нет никого ни у реки, ни у мельницы на выгоне,—все кинулись в поле, в зеленую цветочную ширь, в лес, рощу, поля, о которых натосковались за долготу зиму и долго, угрюмые поля улыбаются, слушающая нежную девичью частушку.

И. Рубин.

Лето 1920 года. Рязжский Комсомол жил в это время очень тревожно. В уезде появились банды Агальцова. Сельские ячейки были встревожены, но на шутку, оружия не было. Уком РКП (б.) формировав свой отряд из коммуноверов, комсомольцев пока не брали. В конце августа проходил уездный комсомольский съезд. На съезде ребята собрались хорошо. К концу съезда являлся член Ревкома (фамилию сейчас не припомню) и объявил, что комсомольцы, присутствующие на съезде, мобилизованы на борьбу с бандой. По окончании съезда явиться в Уком РКП (б.) за оружием Члены городской организации РЛКСМ и члены пригородных ячеек были также мобилизованы. Агальцова с часу на час ждали в город. До прихода банды было 120 комсомольцев, но 60 человек сдрейфил и ушли из Комсомола, преимущественно почти все происходящие из богатых семей. Из 60 ребят, 30 взяли по банде, а с тридцатью остальными я остался в городе. Ребята несли сторожевую службу, охраняли склады, городской кейхазу и т. п. Дома не жили по две недели и больше. Время было тревожное. Обыватели трясались от страха, то, дескать, Агальцов придет, то с коммунистами и нас-адо-ию побьет.

Вскоре банда была ликвидирована, сам Агальцов убит. Ребята вернулись к своей союзной работе и на время все успокоилось. Но ненадолго. В 1921 году послышался опять запах бандитизма. Наступил Антонов. Его шайки прорывались в соседние уезды: Сатожковский и Рванбургский. Рязжским комсомольцам опять пришлось взять винтовку в руки. Работа союзная стала. Все члены Укома и великовозрастные ребята были взяты в отряд. Комсомольцы, которые были поменьше и помоложе, с завистью поглядывали на их винтовки, им так же хотелось выступить по банде. Часть ребят были откомандированы в город Рванбург для подкрепления. В середине 1921 г. происходил 6-й уездный съезд, часть делегатов съезда опять была в боевой готовности с винтовками за плечами, в любой момент готовые занять снова свои места. Съезд прошел спокойно, но разоружения Рязжской организации пришлось только в конце 1921 года,—и только в 1922 году организация начала оформляться и укрепляться. Сейчас Рязжский Комсомол представляет из себя твердую спаянную организацию, насчитывающую по уезду 56 комсомольских ячеек.

В. В. Шарин.

ОБ ОДНОЙ ЭКСКУРСИИ

Иван РАХИЛЛО, рис. К. УРБЕТИС

Ледяная вода кончилась в мой затылок.

ЗНАЕМ МЫ про эти экскурсии: ужасно их не люблю. И как умику человека в трусиках и с волосатыми ногами—плавну и переяду на другую сторону ушны.

Повино: сидела я в Губкоме на диване, бегаешь, смотришь, Стенка Каспаров.

— А-а, здорово,—кричит.—Едем со мной на Черное море!

— Как,—говорю я,—везуто nowhere?

— Достань только сто рублей: все остальное уже есть.

И запала мне эта мысль гаубко. Посеу, думаю, на пляже, злая, тевинудан развалясь, а солнце бьет наравать в спину. Вернешься потом долом тоасть, загорелый весь, как бегемот, и бабам заставишь:

— Рываше буржуазки на курорты ездила, я теперь вот мы...

А бабы—мешачки все: — И как вы замечательно загорели: воювала у вас кожа...

Ладо: прижму дома.

Каспарова мне довели до азаина.

— Мамаши, говорю, собрался я на курорт, свой организм для завоеваний прометариата подправлять. Загоните—продолжаю—мне в базаре самовар и машинку швейную—мне сто рублей нужно.

О спорас с матерью я не буду распространяться—я загнана об этом не говорится. Ну, а только вечером уже лежала у меня в кармане требующая сумма.

Каспарова я встретила в клубе и сообщила ему об этом.

— Завтра едем. Вагон уже есть, через Губком достану. Тридцать человек скажут.

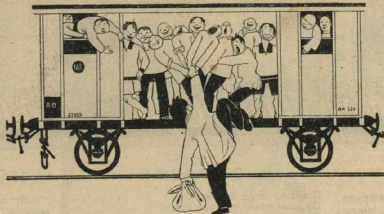
И по такому случаю заняли мы со Стенкой в пивняту и оставили нас моих 10 рублей.

— После,—говорит,—отдаю.

Утром я забрал свои вещи и пошел в вагон. Ребят было битком: орали песни, хохотали от радости.

— Стенка в трусиках был, отчего являлись были его грязные и бледные, как у покойника, нога.

В обед прогнались. Запели: — По морям, По волнам; Ничего ласка, Завтра там...

Ребят было битком: орали песни, хохотали от радости.

А Каспаров, как руководитель, объясняет нам:

— Какой вид, какой пейзаж, как на картинках Шекспера...

Посмотрел я в окно, вижу: будка железнодорожника, белее сундита за корова стоит—используютно делает.

— Ну, думаю,—и не жалею...

А ребята в восторге: новое все-таки. По дороге Стенка велел покупать два открытки для памяти.

— Долго потом экскурсию нашу не забудете.

И не отсталая от других, и по приезде на море у меня осталось 58 рублей...

Утром на станции «Идилок» я вышел из вагона умыться. За мной с ведром воды вылез Каспаров.

— Разве так умываются,—говорит, он,—а еще комсомолки, что как назо, валяги гаубко.

И ледяная вода винтом возкалывал в мой затылок.

— Он, доволно,—завыл я.

Ничего, терпи. Было прогнано. Эти две минуты умыванья показали мне вестность. Голова моя превратилась в дерево.

В общем не буду описывать нашей дороги, а только на другой день от Стенкиного куланыя у меня на шею вабухли два громадных чиря, по всякому случаю мне не пришлось и разу выкулывать в море, я сидел и поше оделки и стерег, как собака, ее, а Каспаров кулался и орал:

— Кулался, осел, а еще комсомолки!

И молча терпел его коварные извательства. Но мучил являлись.

Послеушное, с отжаленными бабами поплыл мы вверх. Казалось, что дорога ведет на небо и коща ее не

было вяло. Часа в два мы долезли до макушки и полегли, как гургуи, в рыв. А Каспаров игры затесал.

— Бегай больше куржо, ластине разивать. Бабы вы, а не комсомолки.

Мы бегали. Собственно лязина на карычках.

Вечером спустился, а точно поэты каляе,—кинулся на леб.

— Аппетит поднимается,—говорила по-докторски Стенка.

После обеда ходан обогреть. Так обогрел, что, думаю я, слепая моя кишка коричневой стала.

А Каспаров: — Во во, молодцы, Подвойский сказал: 24 часа в сутки спорту...

Ночью ничто не спал: болшая кожа. А в 4 утра мы опять лезли в гору для развития ножных мускулов.

По дороге собрали коллекцию камей: сам еле ползешь, а тут эти проклятая коллекция в полууду карманам оттягивает. И вот, скажу я вам, до чего дошли уж—ни копейки десерт незу. И ребята от скуки и карты стали играть.

Мы жили в вагоне. Вагон стоял в тупике. А сабоку тулпика—кладбище было. На кладбище мы и резались в очко.

— Давай еще! — Довольно. — Твоя сука, збави!

рвал! Кто проиграет—рубашку долой. Еще проиграешь—штаны долой.

Програлся и в дым—скажу голай. Тупую карту—опять карту. А ребята: — Нечем платить—лежь на крест и гавай по добью.

Забрался я голай на памятник и давай баюк.

— Давай еще! — Ах, ав...

А из вагона девочки смотрят и смеются...

— Эй, судяк,—орут.

— А вы—сволочи!

Забоя моя до высшего предела дошла. А Каспаров спектакль уже

Мы долезли до макушки.

загелел: на покрытые обратной дороги Музыку достал, свиз кино.

— Сами с'играем: вечер самодельности устроим.

Хорошо—пубкача наперла: сбор полая.

— Дашь программу! — Первым вышел я—прочтал свои стихи...

— Не боясь я фанштов, И огняный комсомолет. Сам себе я кусок хлеба

И рабской мой отси... Пубкача осердил. А я подумал:

— И обижаться нечего, такой рифмы не ценят: комсомол—си, от—еж;

известно, провинившись. Потом Стенка сделал антрепренюрный доклад.

Ах, они камисомлы ийвотские!

— Долой,—кричали из зала.—За наша дельца, да еще и доклад слухая. Гоин монету назал!

Своюки Стенку в зал и давай ему баяк ставить. Он сравняла этот эпизод впоследствии с жаркой футбольной свалоткой.

— Ага, думаю, мерзавец—вот-от они за меня расчитаются, проголосам несчастный...

Каспарова мы еле довели я вагон. Всю ночь он горчал у начальнича стаяции: мы требовали немедленного отезда.

Ребята лязина и ска воровать сваяс: двуми вселялись в ваг сови.

Подавоболое эсе кемгого: ну, человек с двадцать...

Наконец, скажу я вам, слес-сас мы дохелал обраться. И такой и слабый сила после курорта, что являлся нос свой до-лому допаша.

Ровная мой мавь встретила меня, да как завест: — Ах, она камисомлы ийвотские: за кровный самовар и швейную машинку от тебе одну лополю оставили.

И в оборок. А вы говорите—спорт.

Знаем мы эти экскурсии: ужасно их не люблю. И как умику человека в трусиках и с волосатыми ногами—плавну и переяду на другую сторону ушны...

Он впоследствии сравнял это с футбольной свалоткой.

Так оборвали, что саяла моя кишка коричневой стала.

Я сидел вояне оделки и стерег ее, как собака.

Тугодукову (поселок Самарка, Атайский губ.).

КАК ПОСТУПИТЬ В СПЕЦИАЛЬНУЮ ШКОЛУ? — Как общие правила, школами, в которых можно получить определенную специальность, являются: Техникумы, Профессиональные школы, Высшие учебные заведения (ВУЗы).

В них и кому имеются: С.Хозяйственные, Индустриально-Технические, Педагогические, Промышленно-Экономические, Медицинские, Художественные. Согласно правкам, выработанным на 1925—1926 гг. и утвержденных Наркомпросом 3-го марта 1926 года, поступить в Техникумы могут лица не моложе 15 и не старше 20 лет. Для медицинских Техникумов — требуется возраст от 17 до 30-ти лет, а для ветеринарных — не моложе 18 лет. От поступающих требуются знания в объеме годового курса 7-ми лет Единой Трехклассы.

В некоторые Техникумы можно поступить только по командировке от организации: Комитета РКП, РЛКСМ, Профсоюза, от Наробора. Прочие же в Техникумы принимаются не только по командировкам, но и по самостоятельным заявлениям граждан.

Профессиональные школы имеются по различным специальностям. В них граждане могут поступить в возрасте от 14 до 18 лет. От поступающих требуются знания в объеме курса 1-ой ступени Единой Трехклассы.

При каждом Техникуме или Профессиональной школе для приема учащихся имеются местные приемные комиссии. На имя этих комиссий и надо подавать в течение 1-го июля—10-го августа заявления о приеме с приложением документов о возрасте, об окончании или воинской повинности, о полученном образовании, командировочного удостоверения возможно представить отзыв Волноспокома о социальном положении. Зачисление в учебное заведение граждан производится с соблюдением классового к ним подхода. Указанные выше школы являются государственными, но существуют и частные, профессиональные школы. Прием в них производится по особым правилам, которые будут объявлены дополнительно. Какие именно техникумы и школы обсуждают вашу местность, можете узнать в Уездном Отделе Народного Образования.

В Высш. Учеб. Завед. прием производится только по командировкам. Согласно правкам, утвержденным Наркомпросом (включая в «Известиях ЦИК» от 26/III—25 г. № 69) все места в ВУЗ'ах разверстаны. Часть из них (около половины всех мест) предназначена для окончивших рабфак и имеющие распределение по организационно-партийным, РЛКСМ, профессиональным; для лиц, успешно окончивших школы 2-ой ступени, Техникумы и пр;

ТЕХНИКА И ЖИЗНЬ

рассказывает и покажет каждому новейшие изобретения и последние достижения во всех областях техники в СССР и за границей

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Юрисконсульт К. И. ОРЛОВ.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
ОТДЕЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ШКОЛ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ КОМАНДИРОВОК КОМСОМОЛЬСКОГО РАЙОНА

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
ОТДЕЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ШКОЛ БОЛЬШЕВИКОВСКОГО РАЙОНА

ОРГАН ЦК и МК Р.Л.И.С.М.

ПОДПИШИСЬ
на
всесоюзную еженедельную газету
„КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА“
ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:
На 1 мес. . . . — р. 75 к. || На 6 мес. . . . 4 р. 25 к.
„ 3 „ . . . 2 р. 15 к. || „ 12 „ . . . 8 р. 25 к.
При коллективной подписке цена на 1 мес. . . 60 коп.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
на
ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕХНИКА И ЖИЗНЬ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА С ПЕРЕСЛКОЙ
На 1 мес. . . 35 коп. | На 6 мес. . . 1 р. 85 к.
„ 3 мес. . . 95 коп. | „ 1 год. . . 3 р. 70 к.

Адрес редакции и главной конторы:
МОСКВА, Б. ЛУБЯНКА, 15.

Цена № 20 коп.

для детей трудовой интеллигенции; для трудового крестьянства, демобилизованных, из владения в Красной Армии; для Союзных Советских Республик.

Те из указанных выше лиц, которые окончили Рабфак или же имеют удостоверения об окончании в 1925 г. школ 2-ой ступени, техникума и совнаршкол, зачисляются в ВУЗ'ы без испытаний. Прочие же из командированных подлежат испытаниям по русскому языку, математике, физике, обществовед. — в объеме курса Рабфаков (приблизительно школы 2-й ступени)

В виду ограниченного количе тва мест в ВУЗ'ах, на каждую из указанных выше групп граждан может быть отведено для отдельной местности небольшое число командировок. Точнее об их числе можно узнать в Уездном Отд. Нар. Образования. Заявления о приеме в ВУЗ подаются в течение 1—25 июля в приемную комиссию того ВУЗ'а, куда имеется командировка.

В том или ином ВУЗ'е учащиеся могут получить соответствующее высшее специальное образование: социальное-экономическое, индустриально-техническое, сельско-хозяйственное, медицинское, педагогическое, художественное.

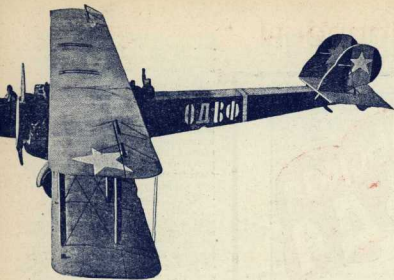
Для рабочих и крестьян, которые по своей подготовке или знаниям не могут сразу поступить в Вузы, существуют рабочие факультеты. Цель их — подготовка лиц из среды пролетариата и трудового крестьянства к поступлению в ВУЗ'ы. Согласно общего положения о рабфаках — на них принимаются рабочие и крестьяне не моложе 18-ти лет, участвовавшие лично физическим трудом в производстве не менее 3-х лет. Прием на рабфаки, так же как и в ВУЗ'ы, производится по командировкам. Подробные правила приема в 1925 году еще не объявлены.

Находясь в На 1925 г. прием, добровольцев в Красную Армию и во Флот запрещен.

Лебедеву, И. С. (хут. Банк Акмолинской губ.)

КАК ПОСТУПИТЬ В КРАСНУЮ ВОЗДУШНУЮ ФЛОТ? Прием добровольцев в части Красной Армии и в авиационное время вообще не производится.

Прислать в школы Военно-Воздушных Сил лиц, не состоящих на военной службе, производится через Общество Другей Воздушной Флоты (ОДВФ). Между последними распределяются имеющиеся в школах места. Заявления о поступлении надо подавать в местную ячейку ОДВФ. В школы могут быть приняты лица не моложе 18-ти лет, имеющие здоровье, полученное образование в объеме курса 2-й ступени Единой Трехклассы, а также имеющие соответствующую политехническую подготовку.

**ДАЕШЬ
Т
И
Р
А
Ж**

**КОМСОМОЛЬЦЫ!
РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ!
ПОМНИ:**

СМЕНА—ТВОЙ ЖУРНАЛ!

В СМЕНЕ ОТДЕЛЫ:

литературный, общественно-политический, научный, комсомольская жизнь, быт рабочей молодежи, шахматы, юмор и др.

СТРАНИЧКИ:

1) КОМСОМОЛ СССР	7) УГОЛОК РАДИОЛЮБИТЕЛЯ
2) КОМСОМОЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ	8) ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ
3) МИРОВОЙ КОМСОМОЛ	9) ФОТО-ЭКРАН
4) В ПОМОЩЬ КЛУБУ	10) КИНО-ЭКРАН
5) ВООРУЖЕННЫЙ КОМСОМОЛ	11) ЧТО ЧИТАТЬ?
6) СТРАНИЧКА ЮНКора	12) ПОДЗАТЫЛЬНИК (страничка юмора)

100.000

Подпишись на СМЕНУ!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ:

На 12 мес.—24 №-ра	5 р. 60 к.
" 6 " —12 "	2 " 95 "
" 3 " —6 "	1 " 55 "
" 1 " —2 "	60 "

При коллективной подписке на 6 и 12 мес. 20%, скидки.

Подписку направлять в Из-во „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“, Москва, Новая площ. уг. М. Черкасского пер. д. 6/7.

